

Круглый стол ПОСТРОЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

20 мая 2014 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Председательствующий

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН

Ведущий

Хуан А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в России (2008–2011)

Выступающие:

Доминик де ВИЛЬПЕН премьер-министр Французской Республики (2005–2007), министр иностранных дел Французской Республики (2002–2004)

И. С. ИВАНОВ министр иностранных дел Российской Федерации (1998–2004)

А. Ю. МЕШКОВ заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

Мигель А. МОРАТИНОС министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Для начала хотелось бы сказать несколько слов о сегодняшней встрече. Эта встреча — продолжение сразу двух взаимосвязанных наших начинаний. Одно из них — это Международные Лихачевские научные чтения, которые, как вы знаете, мы начали проводить в 1993 году вместе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И практически последние 10 лет эти Чтения посвящаются проблематике диалога культур. Каждый год в мае в этом зале ведут диалог крупнейшие личности — ученые, мыслители, государственные и общественные деятели из разных стран мира. В этом смысле сегодняшняя встреча продолжает эту традицию. Обычно на Лихачевских чтениях у нас формат публикаций — доклады и очень короткие устные выступления, а сегодня сюда приглашены личности такого масштаба, что им, конечно, хотелось бы предоставить намного больше времени. Этим, собственно, формат дискуссии и определен. Сегодняшняя встреча также является продолжением инициативы, которую наш Университет предпринял год назад вместе с Университетом Помпеу Фабра (Барселона). Мы встретились там почти в таком же составе, как сегодня, и провели дискуссию по проблемам Большой Европы. По итогам этой встречи была выпущена брошюра на четырех языках. В сегодняшней беседе мы продолжим обсуждать эту тему.

Позвольте изложить некоторые позиции нашего Университета по поводу диалога культур, партнерства цивилизаций и построения Большой Европы. Надо сказать, что общественное внимание привлекают актуальные, острые политические события, особенно если они

происходят где-либо в Европе, будь то государственная трансформация, государственный переворот, стрельба или другие экстраординарные явления. То есть, чтобы привлечь внимание людей на какие-либо события, надо, чтобы случилась беда или что-то чрезвычайно необычное. Тем не менее мы, живущие здесь, в России, задаем себе вопросы: «Что по большому счету происходит в мире?», «Когда происходят какие-либо экстраординарные события — это случайности или закономерности?», «Куда вообще движется ситуация в Европе?» Посмотрите, буквально несколько лет назад, если в нашей части земного шара случались какие-то войны, нам казалось, что это были совершенно исключительные события, может быть, даже случайные, которые не были обусловлены ходом исторического развития. Может быть, это были просто ошибки каких-то государственных деятелей.

Мы в России считали и до сих пор считаем, что огромная ошибка — это война в Ираке, свержение режима Саддама Хусейна. Как бы он ни был нам неприятен как персона, мы сегодня прекрасно понимаем, как и тогда, на момент начала этой войны, что Ирак не готов к демократии и война ничего хорошего не принесет ни этому региону, ни мировому сообществу. Многим казалось, что это исключение. По поводу распада Югославии мы полагали, что это как бы нетипичные события, вызванные обострившимися внутренними противоречиями. Мы знали, конечно, что некоторые страны поставляют туда оружие, финансируют вооруженную оппозицию и так далее, но все же многим казалось, что это исключение. Прошло всего несколько

лет, и когда мы, люди, которые были готовы строить Большую Европу от Гибралтара до Берингова пролива, смотрим на карту мира, что мы видим? Мы видим Западную Европу, Европейский Союз. А что мы видим вокруг Западной Европы? Мы видим Тунис, Ливию, где «порядок» был наведен после устранения Муамара Каддафи. Мы все в восторге? Там наконец-то наступила «настоящая демократия», воцарился порядок? Ах, да — нет этого отвратительного Каддафи, который до боевых действий в Ливии ставил свои шатры в европейских, да и в других столицах мира. Его нет, и что, люди в стране теперь счастливы? И что испытывает сейчас Западная Европа?

Далее Египет, где несколько лет назад у населения была сложная жизнь, там люди жили на два доллара в день. «Но что улучшилось сейчас в их жизни?» — спросим мы друг друга. Что улучшилось в Сирии и как произошедшие там события сказались на жизни простых людей и жизни в Европе? Вообще, стало ли в целом на Ближнем Востоке спокойнее? Стали ли отношения между Израилем и арабскими государствами лучше? А происходит ли в Турции совершенствование государственных отношений? Посмотрим чуть дальше от Европы. Что можно сказать об Иране? Давайте посмотрим на события на Кавказе. Наступил ли там мир? Удалось ли, например, Азербайджану договориться с Арменией о том, чтобы преодолеть противоречия? «Нет, — скажем мы, — не наступают мир и дружба». События в Грузии нас не радуют и не соответствуют нашим представлениям о гуманизме. Возьмем Косово. Конечно, как мы понимаем, — это «большой подарок» Евросоюзу. Я думаю, что Западная Европа до конца еще не вкусила всей прелести того, что там происходит и будет происходить дальше. Косово сегодня — это «очаг цивилизации», который один стоит любых проблем, наблюдавшихся на всей территории Югославии до ее распада.

Теперь к этому добавляется Украина, где происходят события, вызывающие сожаление. Мы видим, что всего за 5–7 лет вокруг старой Европы образовалась чрезвычайно конфликтная, напряженная зона. И, к огромному сожалению, эпицентр этого напряжения сейчас находится практически у наших границ, в регионах, населенных нашими братьями. Там живут не просто люди, которые говорят с нами на одном языке, — это наши родственники. Мы все (кто-то больше, кто-то меньше) связаны с 45 млн украинцев родственными узами. Поэтому сложившаяся ситуация чрезвычайно нас тревожит. За несколько лет обстановка в Европе радикально изменилась. При этом я должен сказать, что все россияне считают себя европейцами. И российская наука сегодня полагает, что Россия — это одна из двух ветвей христианской цивилизации. Одна ветвь христианства идет от Рима и связана с Западной Европой. Другая — от Византии, и Россия, большая часть Украины и Белоруссия связаны с развитием этой самостоятельной, весьма полноценной ветви христианской цивилизации.

Сейчас много говорят о том, что на нас большое влияние оказало татаро-монгольское иго. Оказало, конечно. Точно так же, как, например, на Испанию силь-

но повлияла арабская культура, на Италию — культура Африки, на Великобританию — культура Востока, в частности Индии. Я думаю, что культурная судьба Лондона в чем-то очень схожа с судьбой Петербурга — мощного центра, связанного с восточной культурой, востоковедением и т. д.

Россия — это часть европейской культуры. Так же, как Испания, Италия, Великобритания. Об этом говорили и это обосновывали многие ученые до меня, в том числе и Дмитрий Сергеевич Лихачев.

На Западе считают, что в 1991 году одержали победу над Россией. Для нас эта точка зрения неприемлема, мы никогда так не думали. Мы думали, что хотим улучшить свою социально-экономическую формацию и должны двигаться в сторону общечеловеческих ценностей. Мы стремились не покориться Западу, а оказаться рядом с ним, чтобы продолжать строить мир вместе.

Мы стремились сделать то, чего, как нам казалось, хотели жители Восточной Европы, — объединиться с Западной. Например, Восточная Германия, объединяясь с Западной, совсем не думала и не ожидала, что окажется в том положении, в котором сегодня находится. Но, объединив две части, Германии так и не удалось создать единого менталитета, образа и стиля жизни. То есть после падения Берлинской стены Восточная Германия не стала полноправной частью всей Германии. Я имею в виду не политический аспект, а стиль, образ жизни, деловую активность и многое другое.

Мы стремились объединиться с Западом, но не хотели стать его сырьевым придатком, вассалами и уж тем более рабами. Мы не стремились стать подчиненным государством или просто «раствориться» в какой-то большей общности, а хотели сохранить самих себя, свою культуру, свое государство и работать вместе с другими странами. Сегодня в России очень многие считают, что это не получилось, что нас обманули, что мы обоснованно испытываем разочарование; более того, мы должны теперь посмотреть в сторону Китая, наладить сотрудничество с Азией и т. д. Лично я думаю, что, несмотря на все трудности и неприятные последствия прошедших 20 лет, мы должны продолжать строить объединенную Европу. Мы должны стремиться к сотрудничеству, преодолевая действия тех сил, которые сейчас пытаются разобщить Европу, создать очаги напряженности.

При этом нам надо учитывать следующие факторы. Фактор первый: мы не можем принять западную модель построения общества и экономических отношений за идеал для России. Один из уроков прошедшего 20-летия: весь мир должен работать в русле конвергенции, то есть объединяя достижения и либеральной идеологии, и социалистической идеологии. Каждая страна должна брать лучшее для себя и от капитализма, и от социализма. Но при этом должен учитываться один критерий — то лучшее, что берется, должно соответствовать национальному менталитету, культуре, истории и традициям страны. В общем, мы должны действовать как Китай, который не копирует слепо достижения Запада, а изучает их творчески и применяет

сообразно своей культуре, традициям и ситуации в стране. То есть мы сегодня должны признать, что Китай выходит из социализма более правильным и рациональным путем, чем наша страна. Конечно, это не значит, что мы должны идти по китайскому пути. Мы должны учиться у Китая искать свой путь.

Второй, тоже очень важный, фактор, который мы должны учитывать: капитализм уже не тот, каким мы его себе представляем. Это одно из важнейших изменений эпохи. Капитализм перестал быть свободной рыночной системой и игрой производительных сил. Мы живем в информационную эпоху, и это означает, что информационные системы, средства коммуникации, средства массовой информации имеют колоссальное значение, зачастую намного большее, чем материальный мир. Особенность современного капитализма в том, что смыслы создаются в нашем сознании. Вот решающее отличие нашей эпохи от всех предшествующих. Это означает, что люди думают так, как им внушают средства массовой коммуникации. Эти перемены мы должны учитывать.

На этом я свое выступление завершаю и предоставляю слово господину Хуану Антонио Марку.

ХУАН А. МАРК: — Здравствуйте. Что ж, спасибо большое, Александр Сергеевич, за проведение здесь такого интересного форума и возможность продолжить дискуссию, которую мы начали в Барселоне год назад в рамках нашего партнерства между Университетом профсоюзов в Санкт-Петербурге и Университетом Помпеу Фабра в Барселоне. Сегодня наша задача — дать возможность каждому докладчику в течение 15–20 минут высказать свое мнение о будущем Европы, взаимоотношениях Европейского Союза и России, а также о возможности создания общего для них пространства в дальнейшем. После этого мы бы очень хотели подискутировать с вами честно и открыто, поскольку считаем, что будущее — в руках нового поколения и что в будущем нужно будет мыслить творчески. В этом зале собрались докладчики, сыгравшие чрезвычайно ответственные роли в истории двух стран, находящихся на границах этого большого пространства — Европы, а именно Испании и России, а также докладчик, имеющий важный опыт в политике центральной европейской страны — Франции. Таким образом, на наш взгляд, эта интерактивная дискуссия между представителями нового поколения и опытными политиками может быть очень интересной.

Я помню, как два года назад я встретился с Горбачевым и он сказал мне: «Вы знаете, никогда не ясно, как переменится ситуация. Когда я был в Бонне за три месяца до падения Берлинской стены, у нас была пресс-конференция с канцлером Коелем, и мне задали вопрос, считаю ли я, что когда-нибудь Германия может снова стать единой, возможно ли ее объединение? Я ответил, что, на мой взгляд, это действительно возможно, но не в этом поколении, а скорее в следующем. И тогда канцлер Коль прервал меня, взял микрофон и произнес: “Вы знаете, господин Горбачев понимает Германию, он наш очень хороший друг, но я не хочу вводить жителей Германии в заблуждение касательно

этого вопроса. Я хочу сказать, что объединение Германии не будет возможно еще как минимум три поколения”. Что ж, через три месяца Берлинская стена пала, через полтора года объединение Германии шло полным ходом, и все было совершенно не так, как предполагалось». Итак, моя мысль состоит в том, что в нынешней ситуации существуют отдельно Европейский Союз и Россия, но, может быть, мы придумаем им новое будущее, а также нам хотелось бы, чтобы участники выдвинули новые идеи и предложения касательно этого будущего.

Так давайте начнем нашу дискуссию. Первым выступит бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен; после него — заместитель министра иностранных дел России, который отвечает за взаимоотношения с Европой, Алексей Мешков; затем экс-министр иностранных дел Испании Мигель Анхель Моратинос и в заключение экс-министр иностранных дел России Игорь Иванов. Далее последуют вопросы, и в конце ректор Александр Запесоцкий подведет итоги и закроет работу круглого стола.

Что ж, прошу приветствовать господина Доминика де Вильпена. Мы можем сказать, что он, с одной стороны, универсальный человек. Он был таким всегда, поскольку родился не во Франции, а в Рабате, в Марокко. Затем де Вильпен получил образование и опыт в таких разных, но важных странах, как США и Индия, в качестве дипломата, а позже занимал все важные посты во французской администрации: он был генеральным секретарем Администрации Президента Французской Республики, министром иностранных дел, министром внутренних дел, премьер-министром, представителем Франции на конференции, посвященной принятию Европейской конституции. Также он участвовал во многих важных этапах дискуссии о войне, начатой США в Ираке, стараясь открыть глаза на необходимость соблюдения требований закона и на то, что военные действия неправомерны. Так что я считаю, что де Вильпен обладает необходимым опытом и знаниями и в то же время он очень увлечен культурой и литературой: опубликовал более 19 книг, среди которых есть одна, можно сказать, ключевая для сегодняшней дискуссии. Она называется «Европейский человек», и мы бы хотели узнать, что думает автор о будущем, познать его с его точкой зрения. Господин де Вильпен, Вам слово.

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН¹: — Уважаемые господа, дорогие друзья. Эта неделя судьбоносна для Европы. В ближайшие дни нам предстоят три важных события. Первое произойдет здесь, в Санкт-Петербурге, это будет Международный экономический форум, который даст нам возможность увидеть, какими могут быть взаимоотношения между

¹ Французский государственный деятель, политик и дипломат, премьер-министр Французской Республики (2005–2007), министр иностранных дел Французской Республики (2002–2004). Автор книг «Сто дней Наполеона Бонапарта, или Дух самоотречения», «Крик горгульи», стихотворных сборников, многочисленных эссе исторического и философского свойства и др. Кавалер Большого креста ордена «За заслуги» (Франция), Великий офицер ордена Великого князя Литовского Гядиминаса, Великий офицер ордена «За заслуги перед Литвой».

компаниями «большого мира», европейскими и местными компаниями, каким будет лидерство в экономике. В следующее воскресенье состоятся выборы президента Украины, разделенной Украины, и это будет очень важный момент, и я надеюсь, что выборы легитимного президента станут шагом вперед, к началу активного и открытого государственного диалога. Также в следующее воскресенье, и это будет третье важное событие недели, состоятся выборы для 400 млн европейских избирателей. Это будут вторые по величине демократические выборы в мире после индийских выборов, которые прошли пару дней назад. Это означает, что мы переживаем важный период, ведь это время преодоления кризиса и тяжелых событий, а СМИ превращают их в разрозненные фрагменты пазла: одна минута на кризис на Украине, одна минута на кризис евро и одна минута на Сирию, так что мы скачем от одной проблемы к другой, не имея возможности понять реальные трудности, стоящие перед мировым сообществом. Я думаю, наша ответственность здесь и сейчас — постараться увидеть более широкую картину нынешнего кризиса.

Первый факт, свидетелями которого мы стали, — региональный европейский кризис: все европейское сообщество пылает в огне, как сказал ректор. Посмотрите на Северную Африку: Алжир недавно переживал жестокую борьбу в ходе последних президентских выборов, где победил Абдель Азиз Бутефлика; Ливия разделена и не имеет настоящего правительства, вчера мы даже видели что-то похожее на путч; в Египте сейчас разгар общественных волнений, в ходе которых к смерти приговорены сотни «Братьев-мусульман». Если мы посмотрим на Средний Восток, ситуация точно такая же: Сирия в руинах, Алеппо подвергается бомбардировкам каждый день, сирийцы голодают и живут в настоящем аду; Ирак разделен, ослаблен и переживает ежедневное насилие со стороны террористов; на протяжении последних лет Турция противостоит политическим разногласиям, лидеры ее кабинета министров обвиняются в коррупции, в Стамбуле проходят массовые демонстрации. Посмотрим на Восточную Европу: Украина на грани гражданской войны и распада, Приднестровье в состоянии боевой готовности. Кажется, что мы вновь переживаем ужасный цикл югославских войн, но на этот раз всей Европой, и будущее всей Европы вызывает беспокойство.

Второй факт состоит в том, что мы переживаем кризис ценностей, еще больший, чем кризис интересов. Конфликт ценностей существует между Европой и ее соседями, соседними обществами. Европа привлекает к себе представителей этих обществ. Некоторых из них вы можете встретить на различных центральных площадях Европы, таких как Тахрир в Египте, Таксим в Турции и Майдан на Украине. Европа также вызывает сильное чувство отторжения у представителей других обществ: например, у наиболее традиционной России, которую в Европейском Союзе часто называют «Телевизионной Россией» в противовес «Интернет-России», и то же самое происходит с населением таких стран, как Египет. Египтяне обращаются в сторону «Братьев-мусульман» или салафитов, потому что

те отвергают нравственный упадок, который, как они считают, характерен для Европы.

Существует грань между восприятием актуальных спорных вопросов, таких, например, как судебный процесс над “Pussy Riot”, вопросы гомосексуализма, свободы слова. Это грань между либеральной европейской концепцией, основанной на свободе слова, с одной стороны, и более консервативным обществом, в котором ценится социальный порядок, — с другой. Мы не должны смотреть на эти вопросы легкомысленно и разделять все на черное и белое. Также существует неопределенность самовосприятия соседствующих стран. Эта неопределенность может породить неприязнь к Западной Европе в результате постоянного чувства униженности и иногда чувства мести по причине того, что у этих соседствующих стран исторически сформировались сложные отношения с Западной Европой. Если посмотреть на Северную Африку, мы увидим, как любое вмешательство европейских стран сразу напоминает африканцам о преступности времен колонизации, какими бы добрыми ни были намерения Европы. Посмотрите, как быстро в свете трагического исторического прошлого события на Украине стали неверно трактоваться в России — как попытка прихода к власти фашистов, как это было в 1941 году.

Эта неопределенность может принять форму потребности в символах, чтобы преодолеть трудности, связанные с отсталостью экономики и безработицей. Это способствует развитию национализма, милитаризма и авторитаризма. Также существует в полной мере кризис дипломатических ценностей. Наступило время двойных стандартов, которые делают пустыми речи политиков по всему миру. Я признаю, что западные страны находятся в плену двойных стандартов: в одних странах они поддерживают миротворческое вмешательство и смену режима, приветствуют революционные движения, в отношении других стран призывают к уважению закона и суверенности и отказу от внешнего вторжения. Однако страны с развивающейся экономикой, в том числе и Россия, делают то же самое: в отношении Ливии и Сирии вторжение неприемлемо, в то время как в других странах это допустимо, когда речь идет о защите определенного населения.

Третий факт, который следует отметить, — это противостояние бессилия. Европа, очевидно, потеряла свою власть в последние годы. Европа разделилась, и это факт. Это справедливо прежде всего с экономической точки зрения. Мы имеем дело с очень противоречивыми экономическими и социальными системами и сталкиваемся с тремя основными экономическими регионами: конкурентоспособной, ориентированной на экспорт Северной Европой; экономикой Южной Европы, не выдерживающей конкуренции по причине низкой стоимости рабочей силы и ориентированной преимущественно на внутренний рынок; и стремительно растущей восточноевропейской моделью, существующей, в частности, в Польше, основанной на привлечении иностранных промышленных предприятий с западными центрами управления.

Европа разделена также в политическом плане, о чем свидетельствует ее неспособность высказать

четкое мнение о любом из существующих кризисов. В отношении Ливии, Сирии, Мали Франция, Великобритания и Германия не смогли прийти к единому мнению. Что касается ситуации в Восточной Европе, чувствуется определенная уязвимость новых стран-членов ЕС, например Польши. Еще один элемент разделения: Европа слишком пассивна. Европейская дипломатия стала беззубой, оттого что верит не в конкретную политику, а только в моральное превосходство и санкции. Европейская дипломатия также безъязыка, так как представители власти все еще не могут говорить за всех европейцев. И наконец, европейская дипломатия безрука, так как большинство инструментов, находящихся в руках стран-членов ЕС, и мер безопасности осуществляются под прикрытием НАТО.

Существует европейская демократическая мечта: мечта о федеральном парламентском государстве с комиссией, правительством и судебным органом ЕС, представленным верховным судом; но это не та Европа, которая существует сейчас. Сейчас у нас есть Европа, получающая делегированные полномочия от демократических стран-членов. Поэтому, если мы хотим сделать Европу более демократичной, мы должны сконцентрироваться на данной проблеме. Кризис власти... Мы также столкнулись с кризисом власти, происходящим в некоторых странах с развивающейся экономикой, где стремление к уважению противоречит реальной власти. Это приводит к негативным последствиям: готовности говорить «нет» и невозможности сказать «да». Также это ведет к появлению деструктивной власти, так как власть не имеет достаточно сил, чтобы справиться с расколом, как на Украине, например. Итак, какие выводы следуют из данных фактов? Что мы можем сделать, чтобы изменить существующую реальность и найти новые решения?

Первый вывод, который я хочу предложить, заключается в том, что мы должны извлечь уроки из 10 лет применения силы. По моему мнению, применение силы никогда не было решением. На протяжении 20 лет многие думали установить демократию в тех странах, которые были недемократичными или недостаточно демократичными. Первое, что было предпринято для установления демократии, делалось путем заключения соглашений или формального предписания основных процедур, правил. В частности, так было сделано в Африке и Восточной Европе после распада Советского Союза. Но через несколько лет многим странам стало ясно, что демократия больше существует на духовном или общественном уровне, чем за счет простого предписания процедур. Далее были попытки установить демократию путем силы и предположения, что при смене режима изменится и общество. Эта ошибка, которая была совершена в отношении Ирака в 2003 году, снова повторилась с Ливией в 2011-м. Сейчас утвердилось мнение, что демократию можно установить путем давления. Но если эти действия не сопровождаются настоящим сотрудничеством, то они приводят только к разочарованиям. Это то, что мы наблюдали, в частности, во время «арабской весны».

Дело в том, что западные демократические государства приобрели сейчас милитаристский настрой:

многие полагают, что любая дипломатическая проблема имеет военное решение. Так произошло с Ливией в 2011 году, а также с Мали в 2012-м, то же произошло и с Сирией, когда вмешательство было запланировано на 2013 год. Но сила никогда не была решением, ее можно использовать только как крайнюю меру. Мы вновь должны вернуть приоритет дипломатии, насилие всегда порождает насилие как ответную реакцию. Это практически закон физики. Таким образом, если бороться с терроризмом с помощью оружия, в ответ терроризм только усилится. Это порочный круг, так как сила всегда разрушает социальное и культурное равновесие и приводит к религиозному и этническому радикализму. Без международных правовых решений сила всегда приводит к злоупотреблению властью.

Второй вывод относительно конфликтов между соседствующими странами заключается в необходимости диалога. Конфликт интересов разрешается путем нахождения компромиссов, тем не менее конфликт ценностей можно решить только путем диалога. Диалог означает использование дипломатии в полной мере путем конференций, встреч на высшем уровне, а не только посредством телефонных звонков и коммюнике о моральных санкциях. Нам снова нужны инициативы. И я убежден, что нам необходима встреча участников Веймарского треугольника с президентом Путиным, чтобы продемонстрировать, что обе стороны сегодня готовы к диалогу. В Веймарский треугольник входят Франция, Германия и Польша. Я уверен, что потребуются еще одна международная конференция, такая как Женевская, даже если ее результат был неудовлетворительным. Но прежде всего нам нужна группа представителей стран, заинтересованных начать процесс диалога, нам нужна рабочая группа, способная выполнять решения и вести переговоры.

Диалог означает прагматизм. Можно обсуждать что угодно, оставаясь глухим к любым предложениям или выдвигая множество предварительных условий для диалога. К сожалению, такова политика Европы на сегодняшний день. Мы обязаны обратить внимание на положительные сдвиги с противоположной стороны и прекратить встречать их недоверием. С этой точки зрения нам стоит прислушаться к предложениям российской дипломатии, вместо того чтобы сразу их отклонять. Диалог также означает общность принципов. Первый принцип, который нам следует применять в отношении дипломатии, — это законность. Мы должны верить в международное законодательство, с помощью которого можно разрешить конфликты мирным путем: правило нерушимости границ, правило суверенности и невмешательства в дела другого государства.

Второй принцип — стабильность. Сейчас у нас есть возможность создать единую модель для разрешения кризиса и стабилизации ослабленных и разрозненных государств, которая может применяться в разных частях мира. Как я уже говорил, нам необходимо организовать международную конференцию по вопросу будущего Украины с целью принятия долгосрочных и последовательных мер с конкретными действиями со всех сторон. Это означает соглашение и постоянное сотрудничество с целью экономической и финансовой

стабилизации ситуации на Украине, а также выработку мер по ее политическому контролю. Мы должны использовать международные инструменты для поддержания дипломатического диалога, а также получить одобрение ООН по всем вопросам разрешения кризиса. Мы должны привлекать всех основных участников нашего многонационального мира. В частности, я считаю, что Китай играет ключевую роль посредника в международном сотрудничестве.

Третьим принципом является ответственность. Гражданские войны всегда носят бесконтрольный и безграничный характер. Поэтому нам следует срочно положить конец насилию и установить перемирие. Поэтому мы обязаны поддержать идею открытого международного диалога, должны задуматься о гарантиях для всех вовлеченных сторон. На данный момент на Украине и в России существует оправданное беспокойство о соблюдении интересов лингвистических меньшинств. В данном случае широкая региональная автономия могла бы быть гарантирована конституцией. Также существует озабоченность России проблемой безопасности в случае вступления Украины в НАТО и размещения войск НАТО у самых границ России. Нет необходимости в разжигании широкомасштабных конфликтов. Мы должны обеспечить гарантию безопасности Украины и России. Данные меры будут включать признание нейтралитета украинского государства на конституционном уровне, как в прошлом это было сделано для Австрии и Финляндии. В Европе существует обоснованное беспокойство относительно целостности и неделимости Украины, в частности после того, что с ней произошло. Поэтому конституционный процесс должен гарантировать наличие единого украинского государства.

Третий, и последний, вывод относительно будущего Европы: Европа не представляет собой проблему, проблемой может быть отсутствие Европы, а значит, Европа — это решение. Нам нужна сильная Европа. Сильная Европа — это согласованная Европа. Первый ключ к интеграции — объединение в политической сфере. Нам нужно укреплять франко-германские отношения, так как они обоснованно считаются двигателем всей Европы. Вторая ключевая проблема — это экономика, евро. Кризис евро свидетельствует о необходимости более сплоченной еврозоны, так как невозможно иметь единую валюту без социального перемещения и мобильности рынка труда. Если мы не хотим, чтобы все молодые безработные греки и испанцы жили в Германии, мы должны разработать общие инструменты для создания единого экономического сотрудничества всех стран. Это означает принятие бюджета еврозоны, экономическое и финансовое управление, унификацию налоговых и социальных стандартов. Сильная Европа — независимая Европа. Это означает стратегическую независимость, и для такой Европы необходимо выработать общий механизм обороны.

Первая причина в том, что этот регион снова стал небезопасным, а расходы на оборону сильно сократились за последние годы. Вторая причина в том, что зависимость от США и НАТО порой может быть контрпродуктивной и опасной. Это также означа-

ет торговую независимость, сейчас мы обсуждаем трансатлантическое соглашение между Европой и Соединенными Штатами. Уважаемые господа, дорогие друзья, нам нужна не просто сильная Европа, нам нужна Большая Европа. С этой целью нам необходимо создать новую архитектуру Большой Европы, на сегодняшний день ни один из существующих инструментов недостаточен. Организация Европейского экономического сотрудничества и развития полезна, но это организация, которая действует со времен холодной войны и не всегда соответствует нуждам современности. Европейский совет слабеет с каждым годом, и поэтому, я считаю, нам необходимо организовать общеевропейскую конференцию с участием глав государств и, возможно, представителей местных парламентов. Эта общеевропейская комиссия должна включать представителей стран ЕС, Турции, России и Северной Африки.

Большая Европа создаст динамику, которая нам нужна. Как Европа с населением в 450 млн человек может конкурировать с Китаем или Индией с населением более миллиарда человек? В этой более обширной Европе, в Большой Европе, население будет составлять 800 млн человек. Это 800 млн потребителей, производителей, которые смогут создать более сильную динамику. России нужна Европа для того, чтобы расти, заполнять рабочие места, развиваться в промышленном плане. Ни одна из стран не может существовать автономно с самодостаточной системой. Европе нужны ее соседи — Северная Африка, Восточная Европа — для укрепления конкурентоспособности, так как они создают оборот европейским компаниям. Ни Европа, ни Россия не найдут свое место в глобализации, если не будут искать его вместе. У нас — у Европы, Восточной Европы, России — общее будущее, основанное на общей культуре и истории. У нас общие интересы, основанные на нашей взаимной зависимости экономик, энергии и безопасности. Нам только необходимо найти правильный тон, правильный диалог, доверие, которое поможет нам работать вместе.

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин де Вильпен, за такое подробное выступление, полное идей и предложений на будущее. Сейчас я представляю слово заместителю министра А. Ю. Мешкову. Ранее он был послом Российской Федерации в Италии, а сейчас является ответственным лицом за ведение переговоров по такому актуальному вопросу, как взаимоотношения России с Европейским Союзом.

А. Ю. МЕШКОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые дамы и господа, прежде всего, чтобы уравнивать себя с участниками нашей сегодняшней дискуссии, я бы хотел выступать в личном качестве, что даст мне возможность говорить более гибко.

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда публикаций на тему международных отношений, в т. ч.: «Российско-итальянское культурное сотрудничество: история и современность», «Как победить голод: общая цель и национальные интересы», «Российско-итальянские отношения», «Россия в формировании европейской архитектуры безопасности», «Актуальные аспекты внешней политики России» и др. Награжден орденами Почета, Дружбы, орденом Святого благоверного князя Даниила Московского I и II степени (РПЦ).

События последнего года наглядно продемонстрировали, что традиционные подходы к проблематике европейской безопасности и сотрудничеству дают все более ощутимые сбои. Наиболее отчетливо это проявилось в контексте проводимой Евросоюзом политики «Восточного партнерства» и, как следствие, украинского кризиса.

Разумеется, истоки современного обострения в Европе сложные, они уходят корнями в нерешенность главной проблемы — каким мы хотим видеть и каким реально станет будущее мироустройство. Именно в затянувшемся переходе от старого мироустройства эпохи холодной войны к модели XXI века и кроются многие современные проблемы.

Теории конца цивилизации и однополярности породили уверенность в исключительности только одной — западной — модели формирования межгосударственных отношений и внутреннего содержания отдельных стран. Причем для достижения этой, образно говоря, «цивилизаторской цели» все средства хороши, даже если они не сопрягаются с международными принципами и нормами. Военная сила все чаще стала подменять собой силу права. Примеры мы все хорошо знаем: агрессия против Югославии, войны в Ираке и Ливии, сирийский кризис. Этот список можно продолжать. Причем все эти операции строились по схожей схеме: негодный режим подвергался внутреннему и внешнему расшатыванию, затем специально спланированная провокация — повод, будь то Рачак в Югославии или пресловутая пробирка с белым порошком в иракском случае, и, как следствие, военное вмешательство: жертвы, огромные разрушения и т. д.

Серийность подобных сценариев уже никого не удивляет, но одновременно вызывает отторжение у большей части мирового сообщества. Это привело к зарождению тенденции в пользу строительства многополярного мира, в основу которого должны быть положены принципы равной для всех безопасности, строгого соблюдения Устава ООН и международного права как такового, наконец, создания благоприятных условий для роста благосостояния отдельных стран и народов.

К сожалению, не всем такое развитие событий пришлось по душе. Опять появились теории всякого рода цветных революций и управляемого хаоса, в основе которых вновь пробудилось стремление подогнать всех под один ранжир и обеспечить неукоснительное послушание носителям «конечной истины». Фундамент зарождавшейся справедливой мировой системы вновь оказался под прессингом тектонических разломов.

Не обошел этот процесс, к нашему глубокому разочарованию, и Европу. Причем здесь он принял разнонаправленную проекцию.

С одной стороны, шло ускоренными темпами расширение НАТО и Евросоюза, причем зачастую вопреки элементарной логике. Если в случае с альянсом был руководящий центр, который рассчитывал контролировать все процессы единолично, то сама структура Евросоюза не позволяла действовать быстро, согласованно и эффективно. Ко всему прочему не надо за-

бывать и о глубоком экономическом кризисе, который поразил Европу. Отсюда рост евроскептицизма в странах Евросоюза, ошибочное делегирование полномочий по выстраиванию, скорее «расстраиванию», отношений ЕС с Россией представителям тех государств, которые имели свою, как правило отличную от интересов других партнеров, повестку дня. Чем еще логично объяснить, что политика «Восточного партнерства», призванная наводить мосты между Западом и Востоком Европы, выродилась в возведение новой политико-экономической Берлинской стены, но уже вдоль российской границы? А спровоцированный этой политикой украинский кризис сделал ситуацию в Европе взрывоопасной и уже поставил эту страну на грань гражданской войны.

После всего сказанного встает закономерный вопрос: «А есть ли смысл обсуждать сегодня перспективы построения Большой Европы?» Убежден, что да, и актуальность такого разговора только возрастает.

Мы не должны идти на поводу у тех сил, которые по тем или иным причинам хотели бы вернуть наш континент в эпоху конфронтации. Более того, уверен, что это им не удастся — слишком большой уже накоплен опыт совместной работы России со своими европейскими партнерами в политической, экономической и гуманитарной областях.

В любом случае тема строительства устойчивой и развернутой в будущее модели Большой Европы действительно актуальна. Ведущую роль в этой работе призвана взять на себя ОБСЕ и начатый под ее эгидой процесс «Хельсинки плюс 40», цель которого как раз и заключается в том, чтобы запустить всеобъемлющий процесс строительства Большой Европы. В политической сфере речь могла бы идти о том, как наши общие исторические корни трансформировать в общее будущее, которое было бы комфортно для всех европейцев и на всем пространстве от Лиссабона до Владивостока.

Необходимо вернуть Постоянному совету ОБСЕ его изначальную функцию — выработку совместных решений, которые позволили бы сопрягать и продвигать вперед наилучшие практики в деле формирования на панъевропейском пространстве благосостояния и демократии. Сотрудничество и умение слушать партнеров должны сменить заидеологизированные перепалки. Взаимное уважение должно прийти на смену взаимному отчуждению. Такой диалог должен быть инклюзивным, а не постоянно насаждаемой культурой навязывания одной группой государств своего мнения другим европейским партнерам. Ведь так или иначе европейские страны сталкиваются со схожими вызовами, связанными с продолжением демократических процессов, борьбой с коррупцией, терроризмом, наркотрафиком. У России с ее европейскими партнерами во многом совпадают позиции по целому ряду важнейших международных проблем, включая Иран и БВУ. Постоянный дрейф НАТО в сторону силового решения проблем, активные шаги по созданию ЕвроПРО наглядно показали, что мы еще далеки от реализации на практике принципа неделимости безопасности, обязательства не укреплять свою безопасность за счет дру-

гих остаются только на бумаге. Уже сейчас просматривается тенденция, воспользовавшись украинским кризисом, переформатировать всю систему европейской безопасности по «атлантическим» лекалам. Как еще оценить наращивание натовского военного потенциала вдоль границ России, в том числе с переброской на аэродромы в Прибалтику самолетов, имеющих так называемое двойное назначение?

Особенно разочаровывает то, чего сегодня стоят выработавшиеся с таким трудом верификационные механизмы, когда беспристрастные выводы военных наблюдателей подменяются политическими агитками.

Однако российское предложение о разработке Договора о европейской безопасности остается в силе, и его скорейшее принятие отвечало бы интересам подавляющего числа европейских государств. Сразу оговорю, что его принятие будет иметь смысл, если это будет юридически обязывающий документ. Скажу откровенно: в России устали от того, как вольно наши западные партнеры обходятся со своими политическими обязательствами. Многое также будет зависеть от политической воли Вашингтона и НАТО, которые пошли на фактическое свертывание контактов с Россией, в том числе в таких областях, как борьба с транснациональной преступностью, терроризмом, пиратством, наркотрафиком. Думается, такое решение с энтузиазмом будет встречено в мировых преступных кругах.

В контексте нынешней геополитической ситуации Российская Федерация продолжает рассматривать Совет Европы как одну из ключевых структур евроатлантического пространства, способных внести весомый вклад в строительство Большой Европы без разделительных линий. Это связано с тем, что в существующей системе «разделения труда» международных организаций на европейском континенте Совет Европы согласно Уставу отвечает за гуманитарный блок вопросов и именно там наработан основной массив обще-европейских конвенций и других договорно-правовых актов (сегодня их 216). Все они, в отличие от политических документов ОБСЕ, имеют юридически обязывающий характер и тем самым составляют общее правовое пространство континента.

Ожидаем от всех органов, институтов и мониторинговых структур Совета Европы, в частности Комиссара Совета Европы по правам человека, большей наступательности в деле эффективного противодействия экстремизму, агрессивному национализму, антисемитизму, расовой и религиозной нетерпимости. Ожидаем также большей отдачи от деятельности конвенционных инструментов Совета Европы, прежде всего Комитета против пыток и Международной консультативной группы по расследованию правонарушений на Украине начиная с ноября 2013 года, в том числе убийств с особой жестокостью десятков ни в чем не повинных людей в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года.

Трудно даже задумываться о какой-либо Большой Европе без стратегического партнерства между Россией и Евросоюзом. Надо признать, что на этом пути в конце 1990-х годов и в так называемые «нулевые» было сделано немало. Это и заключение ныне действу-

ющего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, это и столь амбициозная цель создания четырех общих пространств: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты. Наконец, возникло новое перспективное партнерство для модернизации. Активно рос товарооборот, который достиг 417,5 млрд долларов США.

Большие надежды были связаны с началом работы над новым базовым соглашением и безвизовым режимом поездок граждан России и Евросоюза.

Как мы все понимаем, такой объем сотрудничества не мог в одночасье споткнуться на украинском кризисе и тут же скатиться в санкции и политическую истерию.

Проблемы зрели подспудно. Главная из них, что после волны расширения Евросоюза была утрачена изначальная суть партнерства — готовность понимать партнера, его равноправие. Все чаще мы начали слышать, что и кому Россия должна. Был взят жесткий курс на продавливание своих интересов и стандартов. Не могу припомнить в последнее время случая, когда Евросоюз в своей совокупности поддержал бы Россию по какому-либо спорному вопросу. Наверное, и мы неидеальны, но чтобы ни разу не увидеть правоту России — это уж слишком.

Что же делать? Расходиться дальше: Европа — под еще более жесткие объятия Вашингтона, а нам — на восток. Кто от этого выиграет? В Европе уж точно никто. Так что же все-таки делать?

Выход в одном — отбросить двойные стандарты, забыть о своей исключительности и непогрешимости, прагматично, упорно строить нашу общую Большую Европу. В этом суть инициативы Президента России Владимира Владимировича Путина о создании общего экономического и гуманитарного пространства в Европе — от Лиссабона до Владивостока — к 2020 году. И этот процесс должен быть инклюзивным, включать все страны Европы, независимо от их принадлежности к тем или иным интеграционным объединениям. Кстати, вообще пора перестать играть в интеграционный нигилизм. Если мы проповедуем суверенное равенство всех государств, откуда это отторжение других интеграционных объединений? Естественно, я имею в виду взаимодействие Евросоюза с Таможенным союзом, да и НАТО с ОДКБ.

В конце концов уже почти 15 лет прошло с того момента, когда под эгидой ОБСЕ была создана «Платформа кооперативной безопасности», задуманная как площадка для координационных встреч между руководителями различных европейских и евразийских структур.

Так все-таки можно ли построить Большую Европу? Думаю, можно, но только вместе, учитывая законные интересы партнеров. И это не простые причитания. Ведь рост скептицизма среди населения европейских стран к проекту Евросоюза имеет ту же природу, что и российские подходы. Если тебя не слышат, не учитывают твои базовые интересы, навязывают зачастую чуждую тебе философию жизни, то вряд ли можно рассчитывать на твою безоговорочную поддержку.

Необходимо вместе искать объединяющие подходы, наращивать, а не отбрасывать уже накопленный потенциал сотрудничества, и тогда у нас все получится.

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин Мешков, за Вашу футуристическую презентацию, за рекомендацию действовать быстро, за то, что теперь мы знаем, что делать дальше. Сейчас я предоставляю слово экс-министру иностранных дел Испании Мигелю Анхелю Моратиносу. Он длительное время проработал на Среднем Востоке, стоял у истоков организации мирной конференции в Мадриде в 1991 году, более 10 лет был ответственным лицом за вопросы, связанные с арабскими странами при Министерстве иностранных дел, был послом в Израиле, особым посланником от Европейского Союза на Среднем Востоке на протяжении шести лет, а также на протяжении семи лет был бессменным министром иностранных дел испанской демократии и большим другом России, что примечательно для нашей сегодняшней аудитории.

Когда господин Моратинос занимал должность министра иностранных дел, он упростил визовый режим между Россией и Испанией, что повлекло за собой изменение визовых режимов некоторых других стран. Его целью было создание безвизового режима между Россией и Европейским Союзом. Он думал, что свобода передвижения людей является ключевым моментом в объединении стран, поэтому предложил отменить визы в Европейском Союзе в отношении граждан России, а России — отменить визы в отношении граждан Европы. Итак, это до сих пор является обсуждаемым вопросом, но он предложил перевести обычные визы российских граждан для пребывания в Испании в многократные. Так что, когда он начал свою работу в качестве министра иностранных дел, Испанию посещали только 200 тыс. россиян, в конце его срока пребывания в должности это количество увеличилось до 1,5 млн человек. Примеру Испании последовали итальянцы, французы, португальцы, греки. Эти меры предоставили российским гражданам огромные возможности в отношении Европейского Союза. Итак, господин Моратинос, Вам слово.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Добрый день, дорогие коллеги, студенты! Разрешите мне начать мою речь на английском языке, которым, к сожалению, я не владею в совершенстве. Это язык глобального общения, на сегодняшний день все становится глобальным, поэтому мы должны знать этот язык. В старой Испании языком глобального общения был арабский, сейчас — английский. Для начала разрешите мне пригласить вас всех посетить Испанию (этому благоприятствует действующий визовый режим), итак, приезжайте и наслаждайтесь испанским гостеприимством, испанским климатом. Теперь разрешите мне поблагодарить ректора за эту встречу. Александр Запесоцкий, я думаю, не только имел намерения повторить нашу встречу в Барселоне, состоявшуюся год назад с экс-министром иностранных дел России Ивановым, бывшим премьер-министром Франции господи-

ном де Вильпенем и двумя ректорами. Вы знаете, когда вы организуете одну встречу, один круглый стол, это достаточно просто сделать. Сложнее добиться регулярности. И Вам, господин Запесоцкий, это удалось, когда Вы организовали встречу в Санкт-Петербурге.

Иногда мы говорим, вы слушаете, некоторые из вас делают записи, но иногда слова — это только слова, и по прошествии одной недели, или двух недель, или одного месяца, или одного года вы забудете о том, что услышали. Возможно, через три месяца мы спросим себя, что именно господин де Вильпен предложил нам. Но я не смогу вспомнить, каким было его предложение об общеевропейской конференции. Поэтому во избежание этого ректор выпустил изумительную книгу, которую я рекомендую взять на вооружение. Я говорю это вполне серьезно. Я действительно рекомендую вам прочесть эту книгу, потому что о результатах прошлогодней встречи практически никто не помнит, хотя на ней присутствовали те же три главных участника, которые находятся сейчас здесь. Они уже проработали многие вопросы, поделились своими мыслями и предложениями, потому что мы уже были озабочены вопросом будущих отношений между Европейским Союзом и Россией. Конечно, ни один из нас и не думал тогда и никто не мог предположить, что через год мы окажемся в глубоком кризисе и некоторые из вас скажут: «Это всегда так: политики, дипломаты — это катастрофа, потому что они никогда не могут предугадать и предотвратить те события, которые произойдут». Но если вы углубитесь в дискуссию, в обсуждения, которые отражены в этой книге, вы обнаружите некоторые идеи, предложения, проблемы взаимоотношений России и Европейского Союза, на которые мы уже тогда обратили внимание.

Итак, сегодня сложилась новая реальность: у нас есть украинский кризис, и, возможно, он не может ускорить того, что мы пытаемся сделать вместе — друзья России в Европе и друзья Европы в России, — создать новую архитектуру, о которой господин де Вильпен упомянул в своей речи. Разрешите мне сделать краткий обзор и немного повториться, так как вы не были в Барселоне и я не уверен, что вы прочтете книгу. Я считаю, что основной проблемой является систематически искаженное представление о взаимоотношениях между Россией и Европой. Позвольте объяснить. Для европейцев Россия — это сосед со своей границей и в то же время — важный игрок на международной арене. Поэтому отношение европейцев к России неоднозначно: с одной стороны, это нормальные соседские отношения, с другой — мы иногда смотрим на Россию, чтобы понять ее игру на международной арене. К сожалению, если говорить о соседях, мы обычно говорим так: мы можем выбирать друзей, но не можем выбирать соседей. Нет смысла выбирать соседей в восточной части Европы: и у России, и у Европы одни соседи, принадлежащие к так называемому Варшавскому договору, коммунистическому блоку и т. д.

И тут я вынужден высказаться резко и четко: парадоксально, но ближайшие соседи, которым следовало бы поддерживать наилучшие отношения с Россией, создают основные препятствия и способствуют усиле-

нию напряжения между Европейским Союзом и Россией. Прибалтика, Чехия, Польша — страны, говорящие практически на одном с вами языке, считают, что «нужно быть осторожными с Россией, не нужно спешить в сближении с ней, надо ставить ей свои условия». Есть южная часть, так называемая старая Европа (Франция, Испания, Италия, Португалия), которая полагает: «Мы заодно с Россией, нам нужно строить с ней прочные отношения». Таким образом, парадокс заключается в том, что соседи, которые должны быть заинтересованы в улучшении, укреплении связей с Россией, на самом деле создают наибольшие препятствия во взаимоотношениях России с Европейским Союзом.

И в то же время Россия играет роль супердержавы. Европейцы хотят держаться в стороне от объединенных стран, которые могут решать судьбу человечества. И когда Россия благодаря дипломатии смогла прекратить производство химического оружия в Сирии, все были удивлены тому, что Россия снова участвует в важных переговорах. Когда она пытается по-настоящему играть значимую посредническую роль в иранских переговорах с Западом, мы, европейцы, спрашиваем: «Что Россия делает в такой важной области, которой могут заниматься только США и Китай?». Это своего рода ревность, зависть, вызывающая нежелание европейцев видеть в России супердержаву: мы, европейцы, не имеем возможности играть столь же значимую роль. Итак, эти диалектические противоречия: соседские отношения и в то же время распределение ролей в мировой политике — и есть причины, по которым отношения становятся настолько сложными. Они осложнились еще больше после нашего вступления в украинский кризис, после воскрешения и оживления того, что мы все считаем частью истории, прошлого, некоего призрака, духа холодной войны, который вернулся, и не только в Соединенные Штаты. Холодная война вернулась не только в штаб-квартиру НАТО, она вернулась в вашу страну, в ваши умы, в ваш менталитет, и это то, что не позволительно даже Европе.

Когда европейцы говорят о России, у них возникает стереотип, что Российская Федерация — это новая версия Советского Союза в той или иной мере, простите за резкость. Итак, в Российской Федерации есть политики, управляющие страной, бывшие сотрудники КГБ. Когда читаешь в испанских или европейских газетах о русской мафии, это приводит в ужас. О России не пишут хороших новостей. СМИ изображают ее как старую Россию с Красной армией. Призрак холодной войны живет в сознании западного мира, в частности в Соединенных Штатах, но также и в Европе. И вы, русские, при всем моем уважении, попали в ловушку. Вместо того чтобы сопротивляться и отказаться от новой философии возрождения холодной войны, вы ответили той же ментальностью: «руссофобия», «они нас не любят», «мы всегда проигравшие», «империализм», «Запад против», «европейцы нас не понимают»... И вы повторяете, возмущаетесь и отвечаете той же ментальностью, как у тех, кто хочет возродить холодную войну. Такова реальная трагедия взаимоотношений Европейского Союза и России сейчас.

Но мы здесь не для того, чтобы возвращаться в историю, вспоминать об общих или разных ошибках, допущенных Европейским Союзом, или Россией, или кем-то еще. Мы здесь для того, чтобы вместе с молодым поколением, которым вы являетесь, заглянуть в будущее, к чему вас призывал ведущий нашего форума Хуан Антонио Марк. Мы собрались здесь, чтобы обсудить проблему кризиса на Украине. Украина — это государство, которое бы могло быть (если бы мы были в дипломатической лаборатории во Франции, то сказали бы “*le trait d’union*”) связующим звеном между Россией и Европой. Но вместо того чтобы стать связующим звеном, местом, где мы могли бы собираться вместе и работать, Украина превратилась в поле битвы для России и Европы. Зачем требовать от Украины сделать выбор между Россией и Европой? Почему нельзя выдвинуть общую повестку дня, из которой извлекли бы выгоду и украинцы, и европейцы, и русские? Почему нам не хватает творческого подхода, воображения, стремления создать государство, которое могло бы извлекать пользу из экономических, технологических и инновационных аспектов Европы и экономических, научных и исследовательских аспектов России? Для чего нужно прибегать к этому ужасающему разделению и перетягиванию Украины на ту или другую сторону? А это именно то, что сейчас происходит. Поэтому нам необходимо найти решение.

Доминик де Вильпен предложил некоторые из таких решений: создание контактной группы, проведение политических встреч на высоком уровне, которые могли бы иметь другие результаты, потому что, позволять быть откровенным с вами, будущее зависит от нас. Кем хотят быть европейцы в будущем, кем хотят быть россияне в будущем? Нужны ли нам конфликты друг с другом, конфликты между Европой и Россией? Или нам нужна общая политика, направленная на процветание и открытие в будущем новых горизонтов свобод и привилегий? Итак, нам крайне необходимо принять смелое решение. Это будет непросто. Мы должны принять меры по восстановлению доверия, потому что, следует отметить, оно было утрачено по причине отсутствия дружеских взаимоотношений, скверные поступки были совершены со всех сторон. Я не хочу выделять кого-либо: ни русских, ни европейцев, ни украинцев — это был общий провал в вопросе сотрудничества с Украиной в будущем. Поэтому в результате этого общего провала мы должны вместе восстановить отношения между Европейским Союзом и Россией. И при желании мы можем это сделать.

Я помню, когда Финляндия вступила в Европейский Союз, мы стали пользоваться термином «финляндизация». Почему бы не ввести понятие «украинизация» для Украины? Почему бы не сделать украинский прецедент возможностью для развития и получения выгоды как Европейскому Союзу, так и России? Это можно сделать. Конечно, как вы знаете, у Украины есть все права для вступления в экономические соглашения или заключения торговых соглашений с Европейским Союзом, но она также может получить выгоду от экономического и торгового сотрудничества с Российской Федерацией. Почему бы нам не прийти

к общему смелому решению по вопросу безопасности? Я уже поднимал вопрос о том, что флот, расположенный в Крыму, мог бы быть общей базой для Европы, НАТО и России. Зачем вам нужен флот для защиты? Разве Европа ваш враг? Разве НАТО ваш враг? Что это за враг? Или мы хотим быть друзьями? Мы уже являемся партнерами, но мы не союзники, так почему бы не создать союз? Если мы создадим союз, не будет необходимости в военных базах, направляющих свое оружие друг против друга. Почему мы не можем сделать общую базу с общими учениями? Зачем подпитывать призраков холодной войны в своем сознании? Ведь это то, что удерживает Европу и Россию от сотрудничества.

Друзья, я думаю, мы переживаем переломный момент. Доминик де Вильпен сказал, что мы проживаем неделю важных и значимых событий. Но мы должны заглянуть на месяцы и годы вперед, как Европа будет работать с Россией и, наоборот, как Россия намеревается сотрудничать с Европейским Союзом. Это должно быть сделано еще и потому, что «другие» (я специально поставил это слово в кавычки) предпочли бы видеть нас враждующими, поэтому не дадим им победить: давайте победим вместе! И давайте победим вместе с новыми идеями, новыми предложениями, новыми инициативами. Я помню, как я читал здесь, в Санкт-Петербурге, биографию Федора Достоевского, великого русско-европейского писателя. Для меня Достоевский — часть моей жизни. Я европеец, испанец, но Достоевский для меня один из первых авторов, которых я прочел. В своей жизни Достоевский столкнулся, с одной стороны, с классическим русским традиционализмом, который хотел, чтобы все было традиционно русским, с другой — с людьми, которых восхищала модернизация Европы. И он отправился в Европу, чтобы избежать регресса, влияния традиционной России. Но Европа ему не понравилась. Он посетил Францию, Германию, Англию, но ему не понравились эти страны по причине существовавшего кризиса. И он вернулся в Санкт-Петербург и стал искать свою точку зрения, свою манеру писать и излагать свои идеи. Это то, что мы должны сделать совместно: забыть об остальных, о других участниках и вместе сыграть новые роли, выдвинуть новые идеи и создать новую Европу, которая будет принадлежать всем нам.

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин Моратинос, за Ваше ясное видение того, как можно обратить трудности в преимущества, а кризис — в победу. Сейчас я предоставляю слово господину Игорю Иванову, который занимал должность министра иностранных дел Российской Федерации с 1998 по 2004 год. Он создал много новых направлений в международной политике России, установил отношения между Россией и Советом Европы, развил отношения с Европейским Союзом. Его особенно уважают в Испании: он очень долгое время был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР и Российской Федерации в испанском посольстве в Мадриде, был награжден наивысшим знаком отличия — орденом Изабеллы Католической, что является доказательством того, насколько Испания оце-

нила его работу по установлению добрососедских отношений с ней и другими европейскими странами. Господин Иванов, Вам слово.

И. С. ИВАНОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники нашей встречи! Мне особенно приятно выступать перед молодой аудиторией. Я хочу верить, что вы будете жить в той самой Большой Европе, о которой мы сегодня говорим, в Европе процветающей, стабильной, сможете свободно ездить, выбирать место жительства, место работы, где вы сможете свободно строить свое будущее. Но это не произойдет само по себе. За такую Европу, в которую мы верим, придется бороться, чтобы преодолеть те сложности, с которыми мы сталкиваемся.

Когда в прошлом году по инициативе Александра Сергеевича и ректора барселонского Университета Помпеу Фабра мы начинали наш проект, посвященный Большой Европе, наверное, мы испытывали больше оптимизма, чем сегодня в условиях украинского кризиса. Это не означает, что сама идея Большой Европы потеряла привлекательность и значение, — конечно, нет. Однако, столкнувшись с украинским кризисом, мы убедились в том, насколько сложной является эта задача, какое количество проблем нам придется и приходится решать, чтобы Европа по-настоящему стала нашим общим домом, где все народы чувствовали бы себя комфортно, в безопасности и имели возможность строить свое будущее.

По моему убеждению, Европа после украинского кризиса уже не будет такой, какой была до него. Кризис выявил много болевых точек, которые в силу различных причин или умалчивались, или решение которых откладывалось до лучших времен.

Многие, в том числе и я, исходили из того, что при всех объективных противоречиях, имеющихся между Россией, Европой и США (когда мы говорим о евроатлантической безопасности, мы не можем не учитывать роль и место Соединенных Штатов Америки), все мы имеем немало стимулов, которые должны ориентировать нас на сотрудничество и взаимодействие.

Мы исходили из того, что Россия, Европа и США должны быть объективно заинтересованы в стабилизации международной политической системы. В условиях разразившегося в 2008–2009 годах мирового экономического кризиса они также должны быть заинтересованы во взаимодействии, с тем чтобы выстроить более устойчивую мировую экономическую систему.

Мы все исходили из того, что с учетом собственной безопасности Россия, европейские государства и США должны быть заинтересованы в преодолении

¹ Министр иностранных дел России (1998–2004), секретарь Совета безопасности России (2004–2007), президент Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор книг «Новая российская дипломатия: десять лет внешней политики новой России», «Внешняя политика России на современном этапе», «Внешняя политика России и мир» и др. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «Знак Почета», орденом Дружбы (Вьетнам), орденом Святого благоверного равноапостольного князя Владимира II степени (РПЦ).

застоя в сфере контроля над вооружением и возобновлении переговоров по вопросам разоружения и сокращения вооружения, прежде всего оружия массового поражения.

Мы исходили из того, что Россия, США и Европа должны, учитывая собственные интересы, объединить усилия для противодействия современным угрозам и вызовам XXI века, которые носят глобальный характер.

Давая такой прогноз, мы опирались на конкретные факты.

Здесь, в Петербурге, в мае 2003 года состоялся уникальный саммит России и Европейского Союза, в котором приняли участие руководители всех европейских государств, включая глав десяти стран, вступавших в то время в Европейский Союз. Тогда президент России вместе с руководителями европейских государств с оптимизмом обсуждали и намечали планы построения Большой Европы. В 2002 году в Риме проходил саммит Россия–НАТО, в котором приняли участие все лидеры натовских государств и президент России. Мы подписали декларацию о создании Совета Россия–НАТО и говорили о том, как выстраивать нашу общую систему безопасности. В 2005 году в Москве мы совместно отмечали 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Тогда собрались все лидеры европейских стран, за исключением трех президентов Прибалтийских государств. Вместе с президентом России мы говорили о том, как сделать так, чтобы не допустить новой трагедии в мире и на нашем континенте. Все это было совсем недавно, 10 лет назад.

Так что же произошло за это время, что сегодня мы откатились назад и вновь говорим о новой холодной войне? Значит, что-то случилось, причем не только в Европе, но и в наших отношениях, что-то мы неправильно просчитали, допустили какие-то ошибки, которые привели к тому, что сегодня мы опять говорим о холодной войне и новых конфликтах. Сразу же появились «специалисты» или те, кто называет себя таковыми, которые с большим энтузиазмом стали рисовать жуткие сценарии. Одни стали утверждать, что мир возвращается ко временам холодной войны. Другие предрекают всемирный хаос. Третьи — очередное столкновение цивилизаций. Наша с вами задача — не впадая в крайности и не поддаваясь эмоциям, спокойно, опираясь на факты и научные исследования, проанализировать, что же произошло между Россией и Европой. Мы все должны сделать правильные выводы из украинского кризиса: где были допущены ошибки и как сделать так, чтобы эти ошибки не отразились на наших отношениях?

Сегодня складывается крайне сложная ситуация в международных отношениях, прежде всего на евроатлантическом пространстве. После окончания холодной войны, наверное, это первое столь серьезное испытание для ведущих мировых держав. Вместе с тем говорить о том, что последствия украинского кризиса уже предопределены, в том числе и для Большой Европы, мне кажется, было бы опрометчиво. Эти последствия будут определяться сочетанием многих факторов, и в первую очередь способностью или неспособ-

ностью ведущих участников событий вокруг Украины сделать правильные выводы из происходящего, усвоить украинские уроки и определить оптимальную стратегию на будущее.

Хотел бы в связи с этим поделиться с вами некоторыми своими мыслями о том, какие уроки украинского кризиса могли бы быть одинаково важны как для России, так и для европейских государств и США.

Первый вывод — кризис вокруг Украины нельзя представлять как какой-то неожиданный сбой мировой политики, как изолированное явление, противоречащее основным тенденциям развития международных отношений в последние десятилетия. На самом деле украинский кризис имел и имеет свою предысторию, развивавшуюся на протяжении последних двух десятилетий после окончания холодной войны. Все мы были свидетелями процесса расширения НАТО на Восток, агрессии НАТО против Югославии, военного вторжения в Ирак, одностороннего выхода Соединенных Штатов Америки из Договора о противоракетной обороне, недавних событий в Ливии и Сирии. Этот список, к сожалению, можно продолжить. Здесь явно прослеживается целая цепочка шагов со стороны Запада, в которой каждый следующий шаг так или иначе подрывал основы международного права и роли Совета Безопасности ООН, сокращал возможности для многосторонних действий, оправдывал применение военной силы, о чем говорил господин де Вильпен.

Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли: я не пытаюсь переложить всю ответственность за эти процессы на западные государства. Надо быть самокритичными и признать, что, видимо, Россия тоже не все сделала для того, чтобы избежать именно такого развития событий. В частности, с моей точки зрения, мы не смогли преодолеть в себе высокомерного отношения к бывшим советским республикам, которые, как и Россия, стали суверенными государствами и требовали (и требуют) к себе равноправного отношения. Я бы мог еще перечислять уроки, но, к сожалению, формат нашей встречи и время не позволяют этого сделать. Думаю, что нам еще предстоит заниматься этой работой.

Как бы то ни было, перед нами стоит непростая задача укрепления механизмов международной безопасности, совместного формирования нового мирового порядка, отвечающего реалиям XXI века.

Второй вывод — украинский кризис продемонстрировал хрупкость и ненадежность существующих институтов евроатлантической безопасности. Об этом говорил господин А. Ю. Мешков, поэтому я не буду останавливаться на всех институтах подробно, но скажу, что полностью согласен с тем, что в послевоенный период в Европе, на евроатлантическом пространстве было создано большое количество институтов, что в то время означало шаг вперед. Однако в силу разных причин они сегодня, как показал украинский кризис, не работают, не являются эффективными.

К примеру, Совет Россия–НАТО. Когда мы его создавали в мае 2002 года, все главы государств НАТО и Россия подписали совместный документ, в котором взяли на себя обязательство: «Совет будет работать на базе постоянного политического диалога по вопросам

безопасности между его членами для того, чтобы надлежащим образом выявлять возникающие проблемы на ранней стадии, определять оптимальные общие подходы и осуществлять совместные действия». Ничего этого не было сделано ни во время кризиса в 2008 году на Кавказе, ни сейчас в случае с Украиной. Наоборот, как только возникал кризис, работа Совета Россия–НАТО «замораживалась» по инициативе наших западных партнеров. Я могу привести и другие примеры.

Все это говорит о том, что необходимо безотлагательно заняться укреплением взаимной безопасности на евроатлантическом пространстве. Сотрудничество в этой области должно строиться на принципах неделимой и равной безопасности. На этот счет имеется большое количество предложений. Это и инициатива России о европейской безопасности, о чем говорил господин Медведев. И инициативы по линии неправительственных организаций. Так, большая группа специалистов — бывших военачальников, политиков, дипломатов из России, США, европейских государств — подготовила целый ряд предложений о том, каким им видится создание и формирование новой системы евроатлантической безопасности. Но для того, чтобы все эти и другие инициативы заработали, требуются политическая воля и соответствующие решения на высшем политическом уровне всех государств евроатлантической безопасности. Именно так начинался хельсинкский процесс в разгар холодной войны. Тогда были достигнуты впечатляющие результаты. Сейчас необходимо именно политическое решение на высшем уровне для того, чтобы начать эффективный процесс формирования новой системы евроатлантической безопасности.

Мы должны извлечь еще один урок из украинского кризиса, который показал, что пропасть недоверия, разделяющая Россию и Запад, за последние 20 лет после окончания холодной войны, к сожалению, не стала меньше, а, может быть, даже увеличилась. Старые представления и страхи оказались на редкость живучими, в результате чего события на Украине рассматриваются многими на Западе и в России как игра с нулевой суммой. Риторика в стиле холодной войны вновь стала набирать обороты, а «ястребы» с обеих сторон сегодня формируют общественное мнение в наших странах. Все это говорит о том, что нельзя рассчитывать на то, что недоверие, взаимное подозрение, предубеждение, оставшиеся в наследство от холодной войны, исчезнут сами собой, без последовательных, целеустремленных усилий как на Западе, так и в России. Недостаточно говорить о том, что нас на Западе не понимают, это не аргумент. Значит, надо сделать так, чтобы понимали. А как это сделать — мы должны вместе решать. Только через диалог, последовательно работая с нашими партнерами на Западе.

Европа нужна России точно так же, как Россия — Европе. Это не прихоть политиков, а веление времени. Но за эти отношения, как я уже сказал, надо бороться. Только несведущие люди могут заявлять о том, что Россия может легко переориентироваться с Запада на Восток. Интересам России отвечает сбалансированная внешняя политика. Кстати, именно это и записано

в концепции внешней политики Российской Федерации, подписанной президентом России. И чем успешнее мы будем развивать свои отношения на Западе, тем успешнее будет наша внешняя политика на Востоке. Односторонняя политика всегда менее эффективна.

Я начал свое выступление с Украины и хочу завершить его украинской темой. Трагедия на Украине развела сегодня Россию и Запад, но именно этот кризис, если мы совместно найдем правильное решение, которое позволит стабилизировать ситуацию на Украине, может стать той самой отправной точкой для строительства Большой Европы, в которую мы верим и ради которой мы будем сотрудничать дальше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Марк, я прошу предоставить мне возможность сказать несколько слов студентам и задать несколько вопросов участникам, то есть начать дискуссию. Прежде всего я хочу поблагодарить студентов за терпение. Трудности преследуют наш диалог еще со времен Барселоны. Университет Помпеу Фабра — потрясающий современный университет, который может повысить авторитет любой страны и города. Но когда мы прибыли туда, то не смогли попасть в аудиторию, как и студенты, потому что там появилось несколько хулиганов (30–40 человек), которые представились Студенческим союзом Барселоны, выкрикивали оскорбления и заблокировали вход. Студенты Университета Помпеу Фабра были возмущены этим фактом, вызвали полицию, но потребовалось минут 40, чтобы приступить к работе по нашей программе. Я тогда подумал, что в Петербурге такое невозможно, но сейчас полагаю, что теоретически и у нас это может быть.

Я благодарен всем собравшимся за внимание к данной тематике. Сегодня поднимается более сложная проблематика, чем обычно в университетских аудиториях, когда лекторы читают специально для студентов, а наши гости говорят и с вами, и с мировым сообществом. Здесь присутствует ряд представителей мировых информационных агентств, сегодня идет серьезный разговор, выходящий за рамки этой аудитории.

Начну с вопроса, адресованного всем участникам, но я попрошу на него ответить господина Моратинуса и господина де Вильпена, потому что ответ российских участников я примерно представляю: «Можно ли считать Кончиту Вурст и ее победу на Евровидении символом современной европейской культуры и ее современного развития?». Предлагаю сейчас поговорить не о голосе Кончиты Вурст, мелодии, а о том, что бородастая женщина избрана номером один (с ликованием некоторых стран).

В России благодаря литературе примерно к 11-му классу каждый считает, что Франция — страна свободных нравов, где царит любовь. Из произведений французских классиков мы знаем, что в Париже много кафе, в которых сидят красивые девушки и едят пирожные. В Испании была инквизиция и строгие нравы. Там существуют свои культурные традиции. Я хотел бы услышать мнения представителей стран Западной Европы, но с разной культурой и историей.

Господин де Вильпен, можно ли считать Кончиту Вурст символом современной Европы, ее культурным символом, на Ваш взгляд?

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Ну, по правде говоря, это можно рассматривать как символ свободы слова. Разумеется, не символ Европейского Союза. И я думаю, это требует небольшого объяснения. Мы живем в запутанном, проблемном и сложном обществе. У людей могут быть разные идеи, но они могут сталкиваться с общими проблемами: безработица, социальные трудности, стресс, которые стали частью современной жизни повсюду в процессе глобализации. И вопрос заключается в том, как далеко мы можем зайти, разрешая самовыражение людей? И, по правде говоря, что касается уважения чужого мнения, различий, говорим ли мы о гетеро- или гомосексуальности, мы живем в очень либеральных обществах. Это говорит только о свободе общества, а не о ценностях, которые мы сохраняем. Любой человек имеет право на собственное мнение, каждый может иметь свои представления об устройстве общества, но никто не может устанавливать обществу правила, запрещающие свободу самовыражения.

Итак, в данном случае нас интересует, почему эта женщина или этот мужчина, бородатая женщина или бородатый мужчина, победила или победил? Я этого не знаю. Был ли он лучшим исполнителем? Я не уверен, что она или он была или был лучшим исполнителем, я не думаю, что он был самым красивым исполнителем на конкурсе, но я уверен, что это была возможность для людей, голосовавших за него, выразить свою свободу. Конечно, когда на конкурсе появляется такой человек, протолкнуть его как можно дальше — это забавно. Это не значит, что люди хотели бы быть такими же, как он, хотели бы видеть его на обложках журналов, но они в какой-то момент посчитали, что было бы забавным показать европейцам, что он мог бы быть, может быть, не символом, а эмблемой и в то же время проявлением свободы самовыражения. То есть этот случай не имеет ничего общего с политикой, с символом общества, но он показывает, как мы можем посмеяться над собой, как можем критиковать себя и как глубоко проникло в нашу культуру сознание того, что человек может быть хозяином своей судьбы, даже если он хочет иметь бороду, будучи женщиной. Итак, это только свобода.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Я думаю, господин де Вильпен все прекрасно объяснил. Я не голосовал за него или за нее, значит, я не выбирал его или ее. Но я полностью согласен с Домиником, что это только вопрос индивидуальности или свободы человека, а его желание исполнить песню в женском платье и с бородой, или, будучи мужчиной, стать женщиной, касается только этого человека, и я думаю, западное общество, европейское общество, пришло к этому выводу. Я был членом первого европейского правительства, которое разрешило гомосексуальные браки. Господин Сапате-ро был первым премьер-министром в Европе, который принял такое решение. И я горжусь этим, даже буду-

чи католиком, я уважаю гомосексуалистов, хотя у меня есть своя частная жизнь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Иванов, пожалуйста.

И. С. ИВАНОВ: — Так случилось, что я был в Женеве. Вернулся после встречи и зашел в помещение, где меня ждали мои коллеги. В это время по телевизору транслировался конкурс, и как раз пела Кончита. Я не знал, из какой она страны, не знал, мужчина это или женщина. Красивый голос. И я сказал: «Как мне нравится исполнение! Наверное, это и будет победитель». Мне кажется, в предыдущих комментариях эту тему чрезмерно политизировали. Ведь это вокальный конкурс. Наверное, кто-то пел лучше или хуже. Но мне кажется, что победитель прежде всего определялся по вокальным качествам, а не по каким-то другим.

Мы же смотрим, допустим, Паралимпийские игры, хотя в них участвуют люди с ограниченными возможностями. И зрителей на Паралимпийских играх не меньше, чем на Олимпийских. Конечно, можно под любой вопрос подвести политическую платформу, и тогда мы на все будем смотреть с политической точки зрения. Если бы я участвовал в голосовании, может быть, и я голосовал бы за представителя Австрии. Но не потому, что это женщина с бородой, а потому что мне понравилось, как исполнялась эта песня. Вот и весь мой подход.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Теперь, чтобы закончить с этой не самой серьезной частью нашей встречи, я задам один вопрос. Кто в этом зале с открытыми глазами проголосовал за Кончиту Вурст? Поднимите руку. Раз. Спасибо, мнение аудитории мне понятно.

И. С. ИВАНОВ: — Нас двое.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Нет, Вы с закрытыми глазами голосовали, а наш коллега голосовал с открытыми. Это общественное мнение в России, я примерно так себе его и представлял. Теперь, если позволите, я перейду к более серьезным темам. Задам господину де Вильпену один вопрос, который, возможно, не покажется представителям Западной Европы приятным. Но, тем не менее, этот вопрос связан со взглядами многих российских ученых, которые анализируют ситуацию в Западной Европе.

Для нас очень важен диалог с Западной Европой о построении общей Европы. Но насколько Западная Европа в этом диалоге является независимым субъектом? Дело здесь не в том, что трудно выработать внутри Европы общее мнение. У нас складывается впечатление, что Западная Европа и ее ключевые страны подвержены очень сильному заокеанскому влиянию. Историки нашего Университета напомнили мне о том, что когда Россия, Германия и Франция выступили совместно против вторжения в Ирак, и в Германии, и во Франции очень быстро сменилось руководство страны. И наши

специалисты, которые наблюдают за выборами, считают, что это произошло не без внешнего участия.

Когда, например, Шредер боролся с Меркель и разница была примерно в 1 % голосов, тогда внешними силами была сделана ставка на Меркель. Это было связано с прослушиванием телефонных разговоров, они ведь слушаются не для того, чтобы узнать личную жизнь Меркель или Шредера. Похожие действия имели место во время выборов, на которых победил Никола Саркози.

Более того: наши специалисты по выборам в Западной Европе считают, что наиболее сильные и независимые кандидаты на роль лидеров ключевых стран Евросоюза отсеиваются еще на дальних подступах к выборам целым рядом весьма специфических действий — я их не буду сейчас обсуждать. Насколько Россия сегодня может обсуждать будущее Европы на официальном политическом уровне? Это вопрос господину де Вильпену.

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Я думаю, что это возможно, это реально для России — иметь независимых партнеров в ЕС, более того, это необходимо. И я думаю, Ваша ссылка, господин Запесоцкий, на исторические события войны в Ираке очень уместна, потому что в это время три страны в Европе работали вместе: Германия, Франция и Россия. Эти страны стали основой тройки, работавшей во избежание военного вторжения в Ирак. И, по правде говоря, эти страны противостояли Соединенным Штатам, и не только им, но и многим европейским странам — Великобритании, конечно, Испании в то время, Италии и многим восточным странам.

Вопрос заключается в том, как нам заставить эти европейские страны снова работать вместе с Россией, и это очень важно понять. Главный вопрос: «Как возобновить диалог?». Для возобновления диалога между Россией и Европейским Союзом в первую очередь требуется доверие. Вы не можете вести настоящий диалог с государством, которому не доверяете. России сейчас необходимо продемонстрировать свою готовность к прямому диалогу с некоторыми европейскими странами, и я считаю, что сейчас есть две страны, расположенные, возможно, больше других к проведению диалога. Разумеется, по историческим причинам это Германия. Вторая страна — Франция. По историческим причинам — потому что у этих стран есть особая история взаимоотношений с Россией и особая задача — работать во имя мира на континенте. Но для того, чтобы начать этот диалог, мы должны увидеть, что Россия готова идти навстречу. Одна из проблем заключается в том, что когда мы смотрим на Россию, у нас возникает ощущение, что руководство страны больше общается со своим общественным мнением, чем с ЕС, больше общается со своим консервативным и националистическим общественным мнением, чем с другими народами Европы.

Итак, вопрос сегодня, до того как мы начнем говорить о диалоге между нашими странами и Россией, заключается в том, насколько возможно вести независимый диалог, с учетом того, что националистические

силы очень сильны в России, а популистские силы становятся все сильнее и сильнее в ЕС, и я боюсь, в воскресенье на следующей неделе Европейский Союз, к сожалению, проголосует преимущественно за правые партии. Нам необходимо понять, что чем дольше мы ждем, тем сложнее будет прийти к диалогу. Необходимо срочно понять с обеих сторон, я бы сказал, со стороны Франции, Германии, других европейских стран и со стороны России, что время ограничено, потому что чем дольше мы ждем, тем меньше наши лидеры решают сами, а только следуют за общественным мнением и националистическими силами.

Нам нужны лидеры, способные пойти на диалог. Это означает пойти на огромный риск, так как необходимо будет услышать, что говорит другая сторона. Чтобы начать конструктивный диалог, нам необходимо убедиться, что мы говорим на одном языке, поэтому, я считаю, для продуктивного диалога нам нужна секретность. Вы не можете вести настоящий диалог, говорить открыто, когда вся Ливия слушает вас, потому что если вы сделаете это, вы не сможете говорить, ведь вы будете говорить не для другого человека, а для ливийцев, для общественного мнения, поэтому вы не сможете вести обсуждение. Пока у вас нет свободы, стратегической свободы для ведения дискуссии, настоящей дискуссии никогда не получится. Настоящая дискуссия должна быть секретной, потому что вы можете изменить свое мнение, а если ваше мнение изменится, вы не захотите услышать, как кто-то вам скажет: «Вы изменили свою позицию». Изменение своей позиции — это часть дипломатической жизни, это необходимо делать в секретности, своевременно и с реальными перспективами. Поэтому нам необходим в первую очередь прямой диалог — диалог между Россией, Германией и Францией, затем диалог между Россией и тройкой, включающей Польшу, затем более формальный и обширный диалог между Россией и ЕС, и так по нарастающей мы придем к международной конференции, но мы должны начать с малого.

Малым толчком, как очень часто говорит Игорь Иванов, может стать создание контактной группы, потому что в ней будут только те страны, которые готовы работать на будущее. В случае с Украиной мы могли бы включить в контактную группу Соединенные Штаты, Великобританию, Францию, Германию, Польшу. Эти страны должны работать вместе для сотрудничества с Россией, продвигаться вперед и найти решения. Итак, как вы видите, действующая дипломатия должна использовать все дипломатические инструменты. Но хорошая дипломатия — это не та дипломатия, которая может только отстоять свою точку зрения перед журналистами, высказываться по телевидению, приукрашивать, потому что чем больше вы приукрашиваете, тем больше это связывает вам руки. Если у вас будут связаны руки перед другими народами, перед вашим общественным мнением, это не позволит вам работать так, как того требует дипломатия. Итак, мы можем вести диалог, но должны двигаться постепенно от прямого диалога между странами до всеохватывающего диалога,

перерастающего в региональную или международную конференцию.

Евгений ВАЛЯНСКИЙ, II курс, факультет искусств: — *Сегодня обсуждалось открытие границ с Европой. Насколько реально ждут нашего российского брата там, сможет ли Европа потесниться и поднять русского человека до своего уровня? Или же нас будут воспринимать в качестве услуги, людей второго сорта?*

А. Ю. МЕШКОВ: — Я попробую ответить на этот вопрос. Русские люди в Европе никогда не были второсортными. Кстати, в позапрошлом году российские туристы оставили в Европе 8 млрд евро. Нас там ждут с деньгами. Европейский Союз в связи с нынешними событиями действительно заморозил работу над соглашениями о безвизовом режиме, о котором можно быстро договориться. У нас уже полтора года пылится на полках соглашение об облегчении визовых формальностей, которое, кстати, было задумано прежде всего в интересах студенчества. И не только российского — у студентов из Европы появилась бы возможность приезжать в Россию. Зачем вместо диалога, о котором говорил господин де Вильпен, разрывать эти гуманитарные связи, я не понимаю. Но надо отдать должное: наши испанские, французские, итальянские, греческие коллеги наращивают возможности для выдачи виз. Я убежден: чем быстрее у нас будет безвизовый режим, тем больше будет взаимопонимания, а работать люди должны там, где им интересно.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Я хочу дополнить свое выступление о визах. Помните, это просто парадокс. В советские времена, во времена Советского Союза, Запад, в частности Европа, заключил Хельсинкское соглашение, и мы требовали от Советского Союза открытия границ, чтобы все имели возможность приезжать в Европу. После распада Советского Союза появилась демократическая Россия, новый режим, и европейские страны установили визовый режим. Это старый дипломатический инструмент. Как сказал наш друг: «Зачем нам нужны визы?» — «Чтобы контролировать границы?» — «Зачем вы хотите контролировать границы? Их так много». — «В целях безопасности». Первая причина: нелегальная иммиграция. Итак, нелегальные иммигранты не прибывают из России, они едут из Африки — Западной, Северной, из Азии. Но граждане России не ищут работу в Европе, поэтому проблемы нелегальной иммиграции нет. Это был номер один. Номер два: террористы. Им не требуются визы. Они умеют подделывать паспорта. Вы видели когда-нибудь террористов, стоящих в очереди к паспортному контролю? Нет. Так что визовый режим, по моему мнению, это старый дипломатический инструмент. Сейчас есть современные технологии контроля и защиты, есть современные средства, поэтому, если бы я вернулся в правительство Испании, я бы отменил визы с Россией, потому что нет необходимости в визах между Россией и Европой. Это устаревший инструмент, который ни-

как не влияет на безопасность или нелегальную иммиграцию.

Е. А. КАЙСАРОВ, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент: — *Мой вопрос господину Моратиносу. Спасибо Вам за блестящее эмоциональное выступление. Обращаюсь к Вашему тезису: «Нам нужно объединить усилия в борьбе против сил, которые ввергают нас в конфронтацию». Хотелось бы знать, как Вы их охарактеризуете. Что это за силы и почему они в данный момент побеждают? Если судить по тем конфликтам, которые есть, против кого нам надо дружить?*

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Итак, я думаю, на данном этапе это определенные люди, определенный сектор Украины с новым фашистским или популистским намерением настроить Европу и Россию друг против друга, также был и определенный сектор на Западе. Скажем, я не поддерживаю теорию заговора, но существуют определенные элементы, которые считают, что европейцы будут испытывать трудности с Россией и от этого мы вместе пострадем в будущем, поэтому лучше сохранять дистанцию, чем строить новые взаимоотношения.

Антон КЛЮЧНИКОВ, I курс, факультет искусств: — *Если верить нашим газетам, дела в Европе сейчас обстоят не лучшим образом. Якобы по вопросу санкций они разделились на два лагеря — на страны Севера и Запада, которые выступают за санкции, и страны Юга, в частности Балканского полуострова, которые выступают против санкций. А также, если верить статье в газете «Шпигель», Североатлантический блок НАТО близок к распаду из-за недавнего экзамена (назовем его так), в ходе которого выяснилось, что он не способен защитить своих соседей в Прибалтике, если Россия якобы нападет на них. Насколько все это правда и что пишут ваши газеты?*

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Что ж, очень много вопросов в одном. Но во-первых: стоит ли нам доверять СМИ? Я бы был с ними очень осторожен. Я бы лучше имел собственное мнение, чем доверял всему, что пишут и показывают по телевидению. Относительно способности НАТО защитить своих членов: я бы не советовал настаивать на этой точке зрения, потому что НАТО вполне способна на это. Я был против возвращения Франции в этот альянс, так что не являюсь сторонником организации, но, к сожалению, у нее огромные возможности, и я не считаю, что это лучший способ решения мировых проблем в Европе или за ее пределами. Я думаю, нам не стоит применять оружие на нашем континенте, потому что это не выход. Это ничего не решит. И я боюсь, если мы продолжим двигаться в направлении недоверия и нежелания вести диалог, в результате жители региона пострадают больше. Как в случае с Украиной: люди сталкиваются со все большими проблемами каждый день.

Люди пострадают от экономических санкций в России, а также в результате экономических последствий пострадают жители Европейского Союза, и в итоге проигравшими окажутся все. Я считаю, нам всем надо это понять. Здесь, на этом континенте, мы все проиграем, если продолжим вести такую политику: Украина, Россия, Европейский Союз. Победителями могут оказаться Китай и Соединенные Штаты, страны где-то далеко отсюда. Поэтому нам лучше взять свою судьбу в собственные руки. И решение заключается не в нахождении того, кто слабее, потому что это не игра. Решение заключается в диалоге, дипломатической работе и перспективах. Граждане России должны знать о том, какой тип сотрудничества с ЕС возможен, а ЕС должен знать, какие общие правила мы должны выработать для работы, выгодной как России, так и Европейскому Союзу. Итак, я не думаю, что та игра, в которую играют СМИ, — напряжение, информация, не подтвержденная достоверными источниками, — это правильная, честная игра. Это опасная игра, и будет лучше, если мы все вместе будем стремиться к диалогу, предлагать решения, а не способствовать напряжению и, возможно, войне.

А. Ю. МЕШКОВ: — Я каждый день слежу за тем, что пишет российская пресса по международным делам. Как правило, ее информация вполне объективна и соответствует действительности. И сегодня, в эти дни, на Украине брошены в застенки два корреспондента «Лайф ньюс», единственная цель которых была в онлайн-режиме показывать, что реально там происходит. У меня на работе есть канал украинского телевидения, мне есть с чем сравнивать. Я думаю, сейчас мы должны поддержать наше журналистское сообщество и прежде всего, конечно, просить от него все больше и больше реальной открытой информации, независимо от того, понравится она нам или нет.

О. И. СТАВЦЕВА, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук: — *Уважаемые дипломаты, политики. Я преподаю философию и хочу задать вопрос из области культуры. Традиционно россиянами Европа воспринимается как носительница европейских ценностей. Но сейчас активные миграционные потоки приносят исламские культуры, восточные культы. Кроме того, гедонизм и общество потребления подвергают коррозии христианские ценности европейцев. Я хотела бы спросить: насколько Европа в будущем сохранит эту европейскую идентичность, даже не религиозную идентичность, а идентичность христианской культуры?*

Сегодня говорили о значении Достоевского, о его вкладе в развитие гуманизма. Насколько вообще сотрудничество по построению Большой Европы может быть связано с развитием культурных ценностей?

Сегодня много говорилось о военных базах, пактах, международных союзах. Насколько возможно укрепление нашего сотрудничества на основе христианских ценностей, ценностей христианской культуры?

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Что ж, я очень рад, что Вы решили затронуть вопросы культуры

в нашей дискуссии, потому что это важно. Мне кажется, Мальро сказал, что XX век должен быть веком культуры, иначе этого века не будет. Перефразируя Мальро, я бы сказал, что XXI век будет веком многокультурным или не будет веком вообще. Я согласен с тем, что культурные различия являются огромным испытанием для социального формирования любого общества, и даже на Украине или между Россией и Европейским Союзом можно найти некоторые культурные различия. Но на сегодняшний день, в XXI веке, нельзя больше представлять будущее Европы, основываясь только на так называемой христианской цивилизации или христианской культурной базе. Я считаю, что богатство XXI века в том, что элементы различных культур сочетаются, обогащая мировую культуру. У Европейского Союза должен быть девиз «Единство в многообразии», нам нужно уважать другие культуры, другие общности, другие религии и другие цивилизации, но мы должны сохранять и собственные ценности, конечно, хотя нам нужно быть готовыми жить и работать в многокультурном мире. Это будет не просто мир, это будет особенный мир, в котором должны сочетаться разные элементы, как французско-ливанский писатель Амин Маалуф, который сочетал в своей личности элементы разных культур. Знаете, я родился в Мадриде, чувствую себя мадридцем, но я также чувствую себя испанцем и очень горжусь тем, что я испанец, то есть сочетаю индивидуальность мадридца с испанской культурой. Я люблю средиземноморскую культуру, то есть отождествляю себя еще и с ней, я также европеец и отождествляю свою личность с Европой. У меня очень хорошие и прочные отношения с Россией, и я отождествляю себя также и с русской культурой, и с многонациональным миром. Итак, аккумулятивное самосознание — это то, что нас обогащает. Конечно, я христианин, католик, и у меня есть собственные ценности, но я рад разделить свою жизнь, свой опыт с различными культурами. Поэтому я сочетаю, а не исключаю. Я являюсь частью нового мира, и это то, над чем нам придется работать в ближайшем будущем, потому что мир, нравится это нам или нет, будет поликультурным.

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Я считаю очень важным понять эту концепцию поликультурности или различия культур, потому что это составляющая нового мира, основанного на глобализации. Чем больше страна испытывает трудностей — экономических, социальных, проблем безопасности, тем более она полагается на собственные консервативные силы. Она прячется. И чем больше страна развивает свою культуру, чувствует себя в безопасности, тем больше она открывается для других культур и обществ. Поэтому мы видим на протяжении истории, как одни страны подавляли культурные меньшинства, потому что не имели уверенности в себе: они чувствовали, как культурные меньшинства забирали их пространство, ресурсы, которые им были нужны. Итак, если мы хотим быть сильными в процессе глобализации, мы должны объединять свою культуру с другими культурами, мы должны присматриваться к окружающему миру, мы должны изучать

и понимать менталитет других людей, их привычки. И мы должны помнить, что исторически в Европе сложилась давняя исламская традиция. Культура Марокко, как известно, пережила сильное влияние со стороны двух культур, но на культуру Испании очень сильно повлиял ислам, так же как и на культуру Франции: он стал частью нашей поэзии, нашей культуры, нашей истории. И мы не должны считать, что будет лучше избавиться от этого влияния и оставить только чистую европейскую культуру. Нет, Европа — это многообразие, совокупность культурных влияний.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы отметить, что вопрос, который подняла моя коллега, приобретает сейчас большой драматизм. Я хочу обратить внимание на избиение и изгнание христиан из Египта, на трагическое положение христиан в Сирии. Эти события полны драматизма, и здесь нам надо видеть весь мир в его полноте, в том числе и в таких нежелательных проявлениях. Престолонаследник Великобритании при вступлении в должность принимает присягу, и там есть такие слова: «Я клянусь быть защитником веры». Имеется в виду доминирующая в Великобритании вера. Так вот будущий наследник престола собирается одно слово заменить: он планирует в своей будущей речи слово «вера» употребить во множественном числе, то есть защищать разные вероисповедания. С гуманитарной точки зрения это замечательно. Но при всем этом очень не хотелось бы, чтобы христиане, как во времена язычества Древнего мира, превратились в преследуемую секту. Нам надо очень осторожно и продуманно выстраивать диалог культур.

В. В. ГОРШКОВА, декан факультета культуры, ведущая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор: — *Глубокоуважаемые господа, у меня к вам небольшой вопрос. Некоторые политические аналитики считают, что в политике, тем более международной, не может быть друзей и даже оппонентов, а могут быть только конкуренты и, возможно, скрытые враги. Согласны ли вы с этим? Каким образом может состояться паритетный диалог в таких условиях понимания этой проблемы?*

И. С. ИВАНОВ: — Я считаю, что одно не исключает другого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Это в духе Кончиты Вурст.

И. С. ИВАНОВ: — С господином Моратиносом мы знакомы, если я не ошибаюсь, с 1975 года. С господином де Вильпеном мы познакомились несколько позже, но продолжаем поддерживать прекрасные отношения. Это совсем не значит, что в ходе нашей профессиональной деятельности мы во всем разделяли точки зрения. Но как профессионалы всегда относились друг к другу с уважением, откровенно высказывали наши позиции, никогда друг друга не обманывали, не лукавили, не пытались поставить своего партнера в труд-

ное положение, чтобы добиться конъюнктурной выгоды без оглядки на длительную перспективу.

Первый вопрос был по поводу Ирака. Я, господин де Вильпен и господин Фишер вместе работали по этому конфликту. Каждый из нас руководствовался прежде всего национальными интересами — интересами России, Франции и Германии, но при этом мы пытались учитывать интересы и другой стороны. Такой учет взаимных интересов, конечно, подразумевает взаимное уважение, как человеческое, так и профессиональное. Когда ты говоришь с профессионалом, доверяешь этому человеку, зная, что он не пойдет на непорядочные, неприличные поступки, тогда у тебя выстраивается и профессиональное сотрудничество.

Не так просто мы пришли к взаимопониманию и не так просто нам после этого было убедить наших руководителей, наших президентов, что это было правильное решение, которое вбирало в себя и национальные интересы, и наши общие интересы. Мы говорили о доверии. Из чего складывается доверие? Если вы прочитаете документы, в свое время подписанные с представителями администрации Буша, то найдете в них много красивых слов о том, что мы не враги, а чуть ли не стратегические партнеры. Но доверие складывается из конкретных действий, конкретных взаимоотношений между людьми. Через это выстраивается не только профессиональное доверие, но и личные отношения. Я, например, очень горжусь, что много лет спустя мы продолжаем оставаться друзьями. Уверен, что наша дружба сохранится на многие годы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — У меня есть несколько записок. Если позволите, я их зачитаю. «В XX веке Европа сильно пострадала от фашизма. Почему сегодня Западная Европа спокойно смотрит на его возрождение?» Может быть, господин де Вильпен ответит?

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Что ж, Европа очень озадачена вопросами популизма и экстремизма. Я не уверен, что понятие «фашизм» применимо к тому, что сейчас происходит в Европейском Союзе. Но «экстремизм», «популизм» — да. Это имеет экономические и социальные причины. Когда безработица в стране составляет больше 20 % для некоторых групп населения (например, безработица среди молодежи Франции составляет 20 %, а среди молодежи Испании — приближается к 50 %), всегда возникает реакция, и это консервативная реакция недовольства: люди отрицают любые существующие порядки, которые не могут удовлетворить их потребности, их общие потребности. И на сегодняшний день этот вопрос вызывает серьезные опасения у представителей всех политических течений — и у левых, и у правых партий, все озадачены данной проблемой. Именно поэтому сегодня Европа в первую очередь должна найти общие решения некоторых экономических и социальных проблем, даже если это будет сложно, потому что показатели экономического роста в Европе недостаточно высокие, и мы уделяем огромное внимание данным вопросам, чтобы отвечать потребностям общества, стремлениям граждан наших стран. Но в целом основной причиной недоверия

и роста популизма является отсутствие ответов на экономические и социальные вопросы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, у меня есть еще ряд вопросов, но регламент уже исчерпан и я прошу ответить на оставшиеся вопросы по возможности кратко. Вопрос к господину Мешкову: понимают ли, на Ваш взгляд, в Западной Европе то, что конфликт на Украине ослабляет Россию и Евро-союз и выгоден Соединенным Штатам Америки? Как Вы считаете?

А. Ю. МЕШКОВ: — Коротко: кто-то понимает, а кто-то нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Вопрос к господину Моратиносу: исламский мир сегодня переживает и демографический рост, и религиозный подъем. Нет ли в этом угрозы благополучию Европы?

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Я хотел бы немного добавить к предыдущему выступлению. Совершенно верно: главной причиной является экономический кризис, а также невозможность политических лидеров найти ответы, обеспечить предложениями спрос и стремления граждан. Но я думаю, проблема намного глубже. Я считаю, что традиционная демократическая представительская система Западной Европы находится в глубоком кризисе. Если вы посмотрите на всю ситуацию в различных странах Европы, то увидите, что главные политические партии переживают кризис. Канцлер А. Меркель, можно сказать, звезда на политическом небосклоне, новая леди Бисмарк, была избрана только 32 % избирателей. В следующее воскресенье вы увидите, как две ведущие партии Франции, две ведущие партии Испании — социал-демократы и правые центристы — получают, возможно, максимум 23–26 % голосов.

Итак, традиционные политические партии переживают кризис. Общество больше не доверяет голосованию как способу выражения своего мнения и решения проблем. Таким образом, если политические партии не отвечают стремлениям и потребностям людей, люди предпочтут перейти на сторону популистов, новых консерваторов. Они используют тот же язык, те же лозунги, те же стереотипы и оказываются в ловушке этих лозунгов, что опасно. Это то, что происходит сейчас во Франции, Италии и отчасти в Австрии. Мы посмотрим, как будут развиваться события, и я думаю, что традиционные партии полностью изменятся. Они не смогут дальше работать с тем же аппаратом, с той же философией, с тем же подходом, с теми же речами: они должны изменить способ изложения своих предложений, своих проектов. Так что, я думаю, экономический и социальный кризис является первоначальной проблемой, но следующей проблемой, требующей срочного решения, должен быть механизм политических партий, традиционный политический инструмент, действующий сейчас в Европе, который нам следует изменить и адаптировать к современным условиям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Поскольку господин Моратинос является крупным специалистом по исламскому миру, хотелось бы все же услышать его ответ на вопрос: несет ли исламский мир угрозу для Европы?

ДОМИНИК де ВИЛЬПЕН: — Это то, на что следует обратить внимание. Существует необходимость обсуждения данного фактора нашими правительствами. Очень часто мы наблюдаем в нашем обществе серьезную обеспокоенность ростом исламизма, но нам надо понимать разницу: когда мы говорим об исламе как религии и об исламизме, радикальном исламе, мы говорим о разных вещах. Конечно, каждый человек имеет право выбирать себе религию, это стало частью нашего общества, частью наших стран, и во Франции, как и во всей Европе, мы поддерживаем секуляризм, уважая выбор каждого гражданина. Безусловно, когда мы говорим об исламизме, или радикальном исламе, мы имеем в виду другое. Если религия используется для жестокости, с этим надо разбираться и бороться.

Сейчас растет беспокойство за наше общество, за работу политиков в этом направлении, например, мы принимаем решительные меры в отношении радикальных групп или лиц, которые покидают Европу для борьбы в Сирии, а затем желают вернуться и продолжить борьбу в Европе. Мы проводим серьезную и важную работу над этой проблемой, но мы должны подходить к данному вопросу с определенной ментальностью. Односторонний подход к решению данного вопроса был бы ошибочным... Односторонний подход был бы очень консервативным: это подход, затрагивающий не только исламистов, но и мусульман. Мы не должны так поступать. Нам действительно необходимо разделить эти два понятия, с уважением относиться к мусульманам и не проводить параллели между исламизмом и исламом, это два разных понятия. С одним надо работать как с террористическим объединением, а к другому надо относиться как к части нашего общества, с уважением.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Мы сейчас находимся в России, в Санкт-Петербурге, обсуждаем Россию и Европу и наши беспокойства, связанные с происходящими событиями. Но когда мы говорим об исламе и сложившейся ситуации, то в первую очередь должны задуматься о следующем: арабский мир и ислам в целом сейчас переживают большие перемены. Мы защищаем наше общество, наши ценности, наш *modus vivendi* (от *lat.* — образ жизни), поэтому основным вопросом должно быть, насколько арабы и мусульмане сами готовы принять то, что называют «модернизацией ислама» (а не «исламизацию современного мира»). Итак, надо поддерживать модернизацию ислама, как когда-то мы, католики, христиане, в истории нашей религии отделили общественную жизнь от религии. В исламе все намного сложнее, потому что мы имеем дело с общностью, с суммой, здесь все едино. Но это надо менять. Им необходимы перемены.

Вы видели, как «арабская весна» и «Братья-мусульмане» потерпели поражение и в каком состоянии эти

страны сейчас, их общество в Египте, Тунисе, Марокко, Алжире... В Сирии они также ищут способы защиты и сосуществования друг с другом, основанные на ином подходе. Итак, это первое, о чем следует говорить. Знайте, что мусульмане и арабский мир переживают сейчас революцию, и мы, несомненно, поддержим их в становлении их новой истории. В связи с этим мы должны быть очень осторожны, когда имеем дело с мусульманскими взаимоотношениями; как Доминик де Вильпен ясно высказался, мы должны различать ислам как религию и радикальный ислам, или политизацию ислама, или исламскую политику. Это разные вещи. Но мы должны знать, что нельзя очернять ислам как религию мусульманского сообщества. Мы должны быть очень осторожны, чтобы не создавать вражду культур и обществ. Это должно быть нашей основной задачей. Нам нельзя использовать ислам как угрозу, нельзя говорить, что мусульмане — наши враги, что мусульманин — это террорист, наркоторговец или религиозный фанатик. Нет, нам нужно уважать мусульман, и в то же время они должны уважать нас, но мы не должны демонизировать все, что исходит из ислама и мусульманского мира.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. У меня много записок, но я задам в завершение всего два вопроса. Первый вопрос господину Иванову (в России он считается одним из крупнейших специалистов по Западной Европе). Многие гуманитарии — в России и Западной Европе — говорят о системном кризисе либерализма и в экономике, и в духовно-нравственной сфере. Если это так, то прослеживаются ли в Западной Европе перспективы и контуры новой идеологии и сумеет ли Европа еще создать здоровую, сильную, интеллектуальную элиту, которая выдвинет новые идеи? Или будет отстаивать старые идеи?

И. С. ИВАНОВ: — Знаете, это вопрос философский. Я считаю, что (об этом уже говорили мои коллеги — и господин де Вильпен, и господин Моратинос) происходит эволюция в политике, в политической системе, среди политических партий и лидеров. Она происходит и в сфере идеологии, поэтому, конечно, если говорить с дипломатической точки зрения, необходимо построение нового мирового порядка. Он должен создаваться на определенных принципах, которые необходимо вырабатывать совместно. Мне кажется, что именно через диалог, через взаимодействие европейских государств и России возможно выработать такие принципы, которые бы не разделяли нас, не противопоставляли, а позволяли успешно сотрудничать, при этом сохраняя свою национальную идентичность, свою культуру и свои убеждения. Мне кажется, сейчас мы находимся на определенном переломном этапе, — наверное, каждый век начинается с такого глубокого переосмысления и политических, и идеологических принципов, XXI век не исключение. Мы все — в процессе глубокой эволюции, и надеюсь, найдем такие подходы, которые будут помогать нам строить Большую Европу и успешно решать те проблемы, с которыми сталкиваются наши страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Последний вопрос — господину Марку, который у нас в Университете и вообще в России считается символом европейского интеллектуала. Начинаются выборы в Европарламент, и опросы показывают рост популярности правых. Не означает ли это поворот Европы к нацистской идеологии?

ХУАН А. МАРК: — Большое спасибо, господин ректор, за вопрос. У нас есть много выдающихся политических деятелей, которые лучше меня смогли бы ответить на него, но мое личное мнение заключается в том, что во многих странах Европы традиционные партии сохраняют свое место. Я думаю, как сказал господин де Вильпен, когда в стране кризис, если порядок не обеспечивает процветание, начинаются общественные волнения против этого порядка. Как показали проведенные опросы, люди относятся к этим выборам не так серьезно, как к национальным, так как они все еще не считают Европарламент эффективным и сильным органом власти, поэтому многие люди могут использовать этот метод для выражения своего дискомфорта, несогласия с существующей политической действительностью во многих странах. Тем не менее в итоге люди понимают, что Европа — наше будущее, что в ней есть структура, что у общества есть два варианта выбора: один вариант основан больше на личностных потребностях, а другой — на социальной сплоченности, и я думаю, эти две партии по-прежнему будут играть очень важную роль. И благодарю Вас за теплые слова.

А. Ю. МЕШКОВ: — Я хочу добавить, что возможность построить Большую Европу достижима, но для этого надо хорошо знать историю, чтобы использовать позитивный и даже негативный опыт. По последним исследованиям, культура виноделия пришла в Европу из Крыма и с Кавказа. Виноградной лозы в Европе не было, ее завезли греки. В то же время идет спор: кто привез водку в Россию — генуэзцы или венецианцы? (Ну, естественно, не водку, а культуру дистилляции.) То есть даже такие, казалось бы, нетипичные примеры показывают, насколько общая история на нашем континенте.

ХУАН А. МАРК: — Я считаю, что появление университетов ознаменовало начало современной эпохи, раньше были монастыри. Но это стало возможным, когда гражданское общество стало более сильным и смогло выделить место для получения знаний. Университеты долгое время играли ключевую роль в формировании новой мысли. В настоящее время у нас есть определенные форумы: есть Давосский форум, так называемые специальные форумы. Я думаю, Александр Сергеевич, Вы успешно справились с задачей организации в своем Университете очень важных дебатов о будущем наших народов, объединив молодых людей с опытными и ответственными деятелями. Я также очень надеюсь, что это молодое поколение станет великим защитником процветания, мира, развития, других ключевых жизненных ценностей, а не агрессии.

Пусть агрессия останется в прошлом, потому что будущее связано с процветанием.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, если позволите, я скажу несколько завершающих слов на правах хозяина. Хочу заметить, что далеко не всегда мы можем оценить то, что сказано при нас, вслух. И я призываю студентов потом взять в руки издание, которое мы выпустим по итогам этой встречи, — там очень много ярких идей, и мне хотелось бы акцентировать на них внимание, но их действительно слишком много. Сейчас я вам покажу один маленький «бриллиант», — а речь каждого из наших гостей была усеяна многими подобными «бриллиантами».

Приведу пример, на который — я на 100 % уверен — вы совсем не обратили внимания. Это когда один из наших гостей говорил о языковой политике Финляндии. Мы знаем, что на Украине, где половина русскоязычного населения, людям не дают говорить на русском языке, и те же проблемы в Прибалтике. Вероятно, не все здесь изучали историю Финляндии, поэтому напомню, что долгие годы, века она находилась под давлением Швеции. Можно даже сказать более того — Финляндия находилась практически в состоянии порабощения Швецией. И что же сделали финны, получив независимость? Они провозгласили шведский вторым государственным языком. Если вы возьмете карту мира, то увидите, что все населенные пункты, географические названия Финляндии пишутся там на двух языках: финском и шведском. Теперь я вас спрошу — сколько этнических шведов живет сегодня в Финляндии? По моим данным, 6 %. Коллеги из первого ряда говорят — 2 %. В любом случае меньше 10 %. И этого достаточно, чтобы в Финляндии шведский язык был вторым государственным.

Когда вопросы решаются таким образом, снимаются многие конфликты.

Вы только вступаете во взрослую жизнь, только начинаете заниматься научными исследованиями. Вам, может быть, показалось, что некоторые выступления были слишком сдержанными. Трудно уловить действительно новое, а его было очень много. Я хочу всем студентам, которые присутствуют здесь, пожелать это сделать. У меня как у ректора есть ощущение огромного долга университетов, и российских, и европейских, когда дело касается диалога и его построения. Сейчас мы проводим вторую встречу вместе с Университетом Помпеу Фабра. Мне очень хочется, чтобы подобные встречи проходили и в дальнейшем. Нам следует подумать о том, как к этому подключить университеты Германии, Италии, как привлечь крупных политических деятелей других стран Европы, которые имеют весомый голос в построении мировой политики. Давайте будем работать вместе, потому что, по моим представлениям, этот формат очень важен. Это не только диалог выдающихся политиков через СМИ с населением наших стран, но и диалог людей, которые очень многое знают об этом мире, с теми людьми, которые в этот мир только сейчас приходят. И мне понятно, что людям, которые сегодня выступали, уже важно не столько настоящее, сколько будущее. Причем не столько собственное, сколько будущее того мира, в котором предстоит жить молодежи.

Я хочу поблагодарить наших замечательных гостей, Университет Помпеу Фабра, который приложил большие усилия для организации сегодняшней встречи. К сожалению, ректор Университета Помпеу Фабра не смог сегодня присутствовать. Я благодарю нашу аудиторию, которая с таким интересом вела этот разговор, — это признак высокого уровня нашего студенчества и профессуры. Спасибо.